

Тенденции изучения грамматики славянских языков

К вопросу об одной морфологической лакуне в современном русском языке

Г. Р. Абулханова

Физтех колледж (Москва, Россия)

*Действительное причастие будущего времени, норма, узуальное употребление,
морфологическая лакуна, таксисные отношения следования*

Summary. The matter of the morphological lacuna in the modern Russian language. Future participle (active voice): the problem of standard and usage. The syntactic basis for including these forms in the literary language.

Появившаяся возможность широкого анализа не только узуального, но и окказионального в языке, осуществляемая на основании Интернет-ресурсов даёт факты, заставляющие по-новому посмотреть на многие языковые явления, в частности на такую морфологическую лакуну, как причастия будущего времени, связанную со специфической морфологической категорией вида, представленной в славянских языках.

Объектом нашего интереса является действительное причастие будущего времени. Под действительным причастием будущего времени подразумеваются причастия, образованные от основ глаголов совершенного вида по модели нормативных причастий настоящего времени, например, *приедающий, напишущий, поставящий*. Далее в работе объект будет именоваться как ДПБ.

ДПБ, как и страдательные причастия будущего времени, находятся вне норм кодифицированного литературного языка. В грамматиках, научной и учебной литературе ДПБ фиксируются в виде «отрицательного» материала и квалифицируются как ошибки.

Ряд филологов, как лингвистов, так и литературоведов, уже обращал своё внимание на феномен ДПБ, среди них М. Я. Гловинская, М. Н. Эпштейн, В. В. Шаповал. Филологи высказывают разные точки зрения относительно возможности включения ДПБ в норму, приводя морфологические и синтаксические доводы. Однако на сегодняшний день проблема пока не нашла полного и последовательного освещения.

Дело в том, что отсутствие ДПБ в парадигме русского причастия является не системным, а нормативным. В зависимости от видовой семантики глагол может иметь форму трёх времён (для глаголов несовершенного вида) и форму двух времён (для глаголов совершенного вида). Таким образом, финитный глагол совершенного вида может стоять как в прошедшем, так и в будущем времени, например *прочитал, прочитаю*. Начнём образовывать причастия от этой же глагольной основы: *прочитавший* — причастие прошедшего времени — образуется и на законных основаниях функционирует в КЛЯ; *читающий* в свою очередь тоже может быть образовано и доказательством тому служит большое количество интернет-контекстов, где употреблена эта форма, например: *уверен, что это заставит пересмотреть свой взгляд на привычные вещи многих людей, читающих статью, и принесет большую пользу* (<http://lavandamd.ru/index.php>). Однако это пример узуального употребления, в норме же *читающий* отсутствует, и это отсутствие порождает морфологическую лакуну: значение будущности есть, а выражения нет. Таким образом, парадигма нефинитных глагольных форм оказывается неполной.

Парадигматическая лакуна становится ощутимой только в синтагматике, то есть функционировании и линейном взаимодействии форм в языке. Причастие — один из основных выразителей зависимого таксиса в полипредикативных конструкциях — может обозначать таксисные отношения предшествования и одновременности, но не следования. Так, для выражения отношений следования между двумя действиями мы вынуждены использовать описательную конструкцию с союзным словом *который*.

Большая часть причастных конструкций может быть заменена на нормативное придаточное предложение. Например: *Здесь вторая строчка рискованна, ведь всегда найдется кто-нибудь, называющий ее собранием штампов*. (<http://www.igri-uma.ru/forum>). Причастный оборот может быть трансформирован в сложноподчиненное предложение (далее СПП) без изменения смысла, но лаконичность сразу исчезнет, ведь полупредикативная конструкция короче двух полипредикативных.

В следующем примере: *Разумеется, найдутся и гневные критики, и поимущие меня странновато-литературные романтики* (<http://www.litlikbez.com>) — трансформация в СПП с союзным словом *который*, конечно, возможна, но в этом случае потеряется весь авторский (скрытый, подосознательный) замысел на уровне данного предложения, то есть произойдет распад синтаксической конструкции, где слова *критики* и *романтики* стоят в абсолютной реме, а *гневные* и *поимущие* занимают позицию атрибута, предшествующего реме (даже на интонационном уровне они звучат как про-слойка — парентеза). Следовательно, стоит нам заменить исходный ненормативный вариант, выраженный полупредикативным оборотом, как тут же мы получим две ремы: *найдутся и гневные критики и романтики, которые меня поймут*.

Рассмотрим следующий пример: *Наверняка в таком месте найдутся ребята «палёные», рассказующие про буйство альпийских лугов, голубые ледовые обрывы, монументы скальных пииков — только руку протяни* (<http://www.rasc.ru/>). Причастие занимает позицию одного из однородных определений, следовательно, конструкция подсказана автору заранее. Требуется не СПП с союзным словом *который*, а причастие — краткое и ёмкое, проявляющее в данном контексте синтаксические возможности прилагательного (адъективные черты).

Замена на СПП с союзным словом *который* оказывается вовсе не возможной, если первое место в конструкции зависимой предикации уже занято. ДПБ гораздо чаще встречаются в составе причастного оборота, нежели в одиночной позиции. Стоит отметить, что, в сравнении с причастным оборотом, включающим нормативное причастие (настоящего и прошедшего времени), исследуемые нами обороты далеко не всегда открываются самим причастием. ДПБ может предшествовать временной показателю: *На мой вопрос, как они представляют равнопартнерские отношения с полуторамиллиардным Китаем, рано или поздно начнувшим расширять свое влияние в регионе, ничего вразумительного я не услышал* (<http://www.radioazadlyg.ru/>). Мы видим детерминант с семантикой времени — *рано или поздно*, предшествующий причастию.

Таким образом, анализ контекстов на основании синтаксического критерия выявил большое разнообразие синтаксических конструкций, требующих форму ДПБ для ёмкого выражения таксисных отношений следования.

Морфолого-синтаксическая потребность в ДПБ, безусловно, является важным аспектом для решения вопроса о переходе ДПБ из статуса узуальной формы в нормативную.

Концепция структурной морфологии украинского языка

Л. А. Алексеенко, Н. П. Дарчук, И. В. Козленко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Структурная морфология, парадигматика, основоформа, словоизменительные форманты

Summary. The structural vector of a language morphology description requires consistent axiomatics and accuracy in procedures of the analysis. In order to perform so 'strict' conditions it is necessary to combine them with the compromises, which are reasonable and adequate to object in view. In the Ukrainian morphology it is the solution as follows: classifications of parts of speech; controversial issues on grammemic structures of some categories; construction of paradigmatic typology, procedural issues on paradigmatic word formation process.

Современная грамматика нуждается, с одной стороны, в углублении теоретических обобщений в области формального строения языка на различных уровнях системы; с другой — в дифференциации, разновекторности, адекватной грамматическим объектам и, соответственно, дисциплинам с их предметом и понятийной базой. Такая концепция может быть выражена следующей схемой грамматики как интегральной дисциплины:

Слово как общий объект морфологии и центральная единица языковой системы связано практически со всеми подсистемами и имеет сложную грамматическую структуру — морфемную, словообразовательную (в дериватах) и парадигматическую.

Многолетняя практика преподавания морфологии украинского языка на филологическом факультете Киевского национального университета имени Тараса Шевченко способствовала созданию определенной концепции этой дисциплины. В основу триединого курса морфологии заложены теоретические положения и дихотомии структурной лингвистики, которые обеспечивают необходимую точность и формализм не только в теории, но и в процедурной части этого курса. Это положения о системе и структуре; об инвариантах и вариантах; единицах языка и речи; синхронии и диахронии, сформированные применительно к морфологии. В каждом разделе морфологии на базе общих положений разработана конкретная аксиоматика и терминология, связанная с предметом и задачами описания слова в определенном ракурсе.

В существующих «продуктах» морфологии (прежде всего учебных) отсутствует важнейший компонент — система правил структурного членения слов / словоформ, с помощью которых с надлежащей точностью можно выявить и систематизировать те или иные структуры слова и их взаимозависимость.

Структурный вектор описания морфологии языка, в частности украинского, требует непротиворечивости аксиоматики и точности в процедурах анализа. Столь «строгие» условия, чтобы быть выполненными, должны сочетаться с разумными и адекватными поставленным задачам компромиссами. Например, в украинской парадигматике необходимы являются компромиссные решения в частеречной классификации (относительно местоимений и причастий); в вопросах грамемной структуры падежа в именных частях речи (возможен ли звательный падеж в прилагательных, местоименных словах и числительных?); о структуре парадигмы повелительного наклонения (наличие / отсутствие форм I лица); о парадигматических функциях словоизменительных и классификационных грамматических категорий (род существительного и вид глагола); о количестве основ в лексеме глагола; о типологии парадигм, их полноте / неполноте / обнулении и др.

В процедурной части парадигматики важны правила выведения основоформ (словоизменительных основ), что включает возможность графемного представления слов и требует фонемной записи лексем / словоформ. В противном случае нарушается формально-структурный принцип описания лексем и словоформ как инвариантно-вариантных структур и упускается возможность определения морфемом и модифицированных по правилам морфемного шва основ как средств определения основоформ.

Структурное моделирование морфологии может быть эффективным в типологических исследованиях славянских языков, а также в дидактической практике.

Темпоральная семантика дейктических единиц в македонском языке

Н. В. Боронникова

Пермский государственный университет (Пермь, Россия)

Дейксис, темпоральная семантика, членная форма, македонский язык

Summary. The presented report deals with the peculiarities of grammatical category of definiteness-indefiniteness in the modern Macedonian language from the point of view of their role in the organization of the subjective space of a language. The connection of the category with the semantics of the temporal deixis is being analyzed.

Традиционно помимо ролевого и пространственного дейксиса принято выделять временной дейксис, т. е. ориентацию времени ситуации относительно времени момента речи.

Как указывает В. А. Плунгян, «время в естественных языках мыслится обычно линейно, т. е. как вектор (направленный из прошлого в будущее), временная ориентация ситуации к указанию относительной хронологии двух ситуаций на оси времени: описываемой ситуации речи и ситуации речевого акта (т. е. того момента, когда говорящий сообщает о речи). Это простейший «эгоцентрический» способ локализации ситуации во времени, и все естественные языки применяют его достаточно единообразно, независимо от культурных различий в восприятии времени как такового» [Плунгян 2000: 264].

При более детальном анализе временного дейксиса используют схему, введенную Г. Рейхенбахом [Рейхенбах 1985], в которой время описывается с помощью трех понятий: момента речи (speech point), момента события (event point) и точки отсчета во времени (reference point).

Система временных форм глагола представляет собой систему способов выражения временных отношений. Начальной точкой в ней является не субъективно переживаемое время вообще, а вполне реальный, объективный, конкретный момент высказывания, относительно которого и ведется отчет времени. Практически во всех естественных языках существуют три формы времени: настоящее, прошедшее и будущее. Первая форма означает, что время действия (состояния) совпадает с моментом высказывания, включает в себя этот момент. Ситуацию наблюдает говоря-

щий, и момент речи описывает одну из ее произвольных промежуточных фаз. Формы прошедшего и будущего времени выражают, соответственно, предшествование моменту высказывания или следование за ним. При передаче прошедшего времени время ситуации предшествует моменту речи. Что касается ситуации будущего времени, то, как говорит В. А. Плузьян, «говорящий, скорее, сообщает не то, что „данная ситуация следует за моментом речи“, а то, что данная ситуация не принадлежит (и не принадлежала) реальному миру, но что такая возможность существует. Если бы, с точки зрения говорящего, такая возможность была полностью исключена, то он бы воспользовался формами ирреального наклонения» [Плузьян 2000: 268].

Настоящее, прошедшее и будущее — так называемые абсолютные значения временных форм. Кроме них в некоторых языках существуют еще глагольные формы с относительным значением, связывающие действие не с моментом высказывания, а с каким-то другим произвольным моментом. В данном случае мы имеем дело с категорией таксиса. Таксис выражает одновременность действия с заданным моментом, предшествование ему и следование за ним. Этот момент Г. Рейхенбах назвал точкой отсчета во времени

(reference point). Таксис, по мнению ряда исследователей (см., например: [Якобсон 1972]), в отличие от времени, принципиально не является дейктической (шифтерной) категорией, так как он не привязан к фиксированной точке отсчета — времени речи.

Ядром выражения временного дейксиса является глагольная категория темпоральности, в которую входят категории времени и таксиса. Указание на время обычно реализуется с помощью знаков, которые относятся либо к глаголу, либо ко всему предложению в целом. В своем докладе мы будем рассматривать темпоральное значение именных групп с членными показателями, в качестве материала исследования использованы публицистические и художественные тексты современного македонского языка.

Литература

- Плузьян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
 Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М., 1985.
 Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Адмиративность в македонском языке

Е. В. Верижникова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Македонский язык, адмиративность, эпистемическая неожиданность, эвиденциальность

Summary. Admirativity is defined as the use of special verbal forms to express the speaker's surprise. In Macedonian there are several forms which express amazement of the speaker at the fact which was suddenly discovered. Comparison of its usage can be useful for treating the linguistic phenomenon of admirativity.

1. В последнее время в науке на материале разных языков активно исследуется значение адмиративности, под которым понимается выражение удивления по поводу внезапно обнаруженной ситуации (эпистемическая неожиданность). Это значение рассматривается в рамках эвиденциальности, либо в качестве особой категории.

2. В македонском языке описано адмиративное значение форм **сум + л-форма**, являющихся как показателями перфекта, так и показателями эвиденциальности (указывают на косвенный источник информации о действии). Несомненно тесная связь двух значений, однако ряд исследователей трактует их как грамматические омонимы. В адмиративном употреблении эти формы обозначают ситуацию, лично констатируемую говорящим в момент ее осознания. При этом так же, как и при эвиденциальном употреблении, ситуация, обозначенная формой **сум + л-форма**, может относиться к плану прошлого или настоящего: *Господи, си реков, ама лесно се сеела леката!* (К. Руменова-Мисиркова) *Господи, сказала я себе, а чечевицу-то, оказывается, легко сеять!* Замечено, что эти формы адмиратива в македонском языке не могут использоваться для наррации, а лишь для единичной констатации факта.

3. Для выяснения природы адмиративности и ее отношений к категории эвиденциальности необходимо рассмотреть все способы выражения этого значения. Гораздо менее исследовано выражение эпистемической неожиданности независимой **да-конструкцией** (т. наз. балканским конъюнктивом): *Ми го плениле бостанот! Јас толку време се мачев, го копав, го вадев, а сега да го испокрадат!* <...> *краста да ги јаде! Ми го испокрадија (аорист) бостанот! — повторуваше таа.* (П. Трпковски) *Все арбузы мои утацили! Столько времени я мучилась, копала, поливала, а они все украли!* <...> *чтоб им пусто было! Все арбузы у меня покрали!* В этом примере одна и та же ситуация передана тремя разными формами, в том числе свидетельским аористом, а две другие формы остальные формы сигнализируют эпистемическую неожиданность. В адмиративном значении выступают конструкции **да-praesens** и ее несвидетельская разновидность **да-л-форма**, т. е. здесь значение адмиратив-

ности и значение эвиденциальности выступают раздельно, что свидетельствует об особой природе адмиративности. **Да-конструкции** могут использоваться для наррации. Кроме того, тогда как адмиративные сум-формы обозначают факт в момент его осознания, **да-конструкции** могут использоваться говорящим при описании уже осознанного им неожиданного факта с целью создания эффекта обманутого ожидания у адресата речи.

4. Значение адмиративности могут приобретать формы будущего времени в транспозитивном употреблении: *Влегов во една куќа, — ми кажуваше таа, — и што ќе видам?* (Б. Конески) *Вошла я в один дом, — рассказывала она мне, — и что же я там вижу!* В этом значении встречается ограниченное число глаголов (чаще всего *види* увидеть, *чуе* услышать, *рече* сказать).

5. Адмиративное значение могут иметь и формы плюсквамперфекта, которые в основном своем значении являются свидетельскими: *И едно време изнадјода, чинам како да излегоа од езерото, едни луѓе млади сите исто облечени, во едни свеченоцрни костюми, со бели кошули и елечи, и со перепутка-вратоврски <...> Беа ти биле хористи и настапувале на концерт.* (Д. Пандев) *И в какой-то момент появились, будто вышли из озера, молодые люди, все одинаково одетые, в костюмах, в белых рубашках, в жилетках. <...> Оказывается, это были хористы, они давали тут концерт.* В большинстве таких примеров представлены глаголы *быть* и *иметь*, что справедливо и для адмиративного употребления форм сум + л-форма.

6. Таким образом, в македонском языке адмиративность является значением, которое выражается различными грамматическими средствами. При анализе этого значения необходимо учитывать не только момент речи и временной план, к которому относится сама эпистемически неожиданная ситуация, но и момент ее осознания: одновременный или предшествующий моменту речи. В том случае, когда момент осознания ситуации относится к прошлому, адмиративная ее интерпретация может быть ориентирована на адресата высказывания. В таких случаях формы могут использоваться для наррации.

Предложная система русского языка. Процессы грамматикализации (на примере одной семантической группы)

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Предлог, аналог предлога, грамматикализация, функционально-грамматическое поле предлога, фразеологизация

Summary. The study is devoted to grammaticalization within Russian prepositional system. It appeared that the nouns of the group in question being used in the form of instrumental case perform prepositional function and trend to grammaticalize. e. transform to become grammatical objects (prepositions).

В рамках проекта «Славянские предлоги: морфология и синтаксис» [Всеволодова и др. 2003], [Всеволодова 2010] используется понятие «предложная единица», которое позволяет включать в рассмотрение широкий ряд языковых единиц, функционирующих как предлоги, но не обязательно перешедших в разряд предлогов как части речи. Это кроме собственно предлогов, аналоги (*в границах чего, во благо кого*) и корреляты (*величиной с гуся, месяц выше леса = над лесом*). Существительные в определенных синтаксических условиях употребляются в функции предлога, в дальнейшем предложная функция может стать основной, тогда существительное в определенной форме может грамматикализироваться, то есть перейти в предлоги как часть речи. Рассмотрим подобную грамматикализацию на примере одной семантической группы синтаксисом N_{тв}: *заботами кого, силами кого, стараниями кого, хлопотами кого, трудами кого, молитвами кого, усердием кого, тщанием кого, иждивением кого, попечением кого, попечительством кого, чаянием кого*. Эта группа выделяется как на формальной, так и семантической основе. Значение этих единиц синкретичное, оно объединяет такие компоненты как причина, образ действия и субъект: *И всё это реализуется силами коллектива из 28 человек* [НКРЯ]. *Всё это реализуется как?* (образ действия); *Всё это реализуется благодаря кому?* (причина); *Всё это реализует кто?* (субъект).

В толковых словарях русского языка данная группа единиц характеризуется по-разному. В Словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой *заботами кого* и *силами кого* маркируется «в значении предлога», единицы *хлопотами кого, попечением кого, попечительством кого, чаянием кого* словари (СОШ, БАС, МАС) в предложном употреблении не отмечают. *Стараниями кого, усилиями кого, трудами кого, молитвами кого, усердием кого, тщанием кого, иждивением кого* помечены только в БАС как устойчивые сочетания. Между тем, анализ показал, что эти единицы широко употребляются в речи и находятся на определенной ступени грамматикализации (перехода в предлоги как часть речи). Дело в том, что они регулярно употребляются в страдательных конструкциях, при их помощи выражается субъект, и тогда форма тв. п. обусловлена, казалось бы, чисто синтаксически: *Усилиями журналистов и политтехнологов обществу был навязан стереотип (в значительной степени — ложный), что на любых выборах можно провести любого кандидата, а от избирателя ничего не зависит* [НКРЯ]. Однако, при трансформации существительное *усилия* употребить невозможно, что показывает на определенную ступень грамматикализации: **Усилия журналистов и политтехнологов навязали обществу стереотип*. Ср.: *Журналисты и политтехнологи навязали обществу стереотип*. Следующей ступенью грамматикализации можно считать, на наш взгляд, системное употребление данных единиц в действительных конструкциях: *Поэтому уже во второй половине первого тайма игра стала равной, а «Интер» начал остро атаковать — в основном усилиями Рекобы и Креспо* [НКРЯ]; — *Как же-с, — сладко заметил Демьян Лукич, — это всё стараниями вашего предшественника Леопольда Леопольдовича* [НКРЯ]; *...жена начальника милиции, иждивением артельного кладовщика, на самолёте отправилась в Алер, где два месяца жила в санатории Совета Министров...* [НКРЯ]; *И издал бы ее иждивением горячо любимой родины* [НКРЯ];

Еще одной особенностью, указывающей на процесс перехода рассматриваемых существительных в предлоги, является наличие у большинства из них морфосинтаксической парадигмы по числу (как показано во [Всеволодова 2011]) морфосинтаксическая парадигма «характерна для уже определенных единиц»): *заботами кого — заботой кого, стараниями кого — старанием кого, иждивением кого — иждивениями кого, трудами кого — трудом кого, молитвами кого — молитвой кого, усердием кого — усердием кого, тщанием кого — тщаниями кого, попечением кого — попечениями кого, чаянием кого — чаяниями кого*: *Сбылись слова приказа Платова — и атаманы отеческими попечениями Самодержца «прославлены, превознесены и благоденствуют!»* [НКРЯ]; *Попечением писателя-фантаста Михаила Пухова обретет русскоязычных читателей острозажетный роман его американского коллеги Пола Андерсона «Кентавры Юпитера» в переводе Сергея Сухинова...* [НКРЯ]; *Заботами и стараниями самого подполковника Зелима Мулдарова ... Дарьяльский полигон живет активной и полноценной жизнью* [НКРЯ]; *Гассан и дарвазцы твердо держали зарок: оба дня, что мы шли по ущелью, они не трогали даже тех припасов, что уложены в наши вьюки заботою Джалалдина* [НКРЯ]. Вопрос о различиях между членами подобной морфосинтаксической парадигмы является актуальным для изучения, о первых наблюдениях над условиями дополнительной дистрибуции, ограничивающими выбор той или иной реализации в конкретном тексте [Виноградова, Чекалина 2011]. Не имеют морфосинтаксической парадигмы *хлопотами кого* (pl), *силами кого, усилиями кого, попечительством кого* (*силой чего, усилием чего* и *попечительствами чего* употребляются в другом значении).

Отметим, что категоризация подобных единиц является сложнейшей задачей, на данном этапе мы представляем собранный материал, отражающий функционирование данных единиц в качестве предлогов, позволяющий продемонстрировать закономерности их употребления и системность.

Литература

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
- Виноградова Е. Н., Чекалина В. Л. Категория числа в предложной системе русского языка // «Русский язык и литература во времени и пространстве», XII Конгресс международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы / Под ред. Л. А. Вербицкой, Лю Лиминя, Е. Е. Юркова. Т. 1. Шанхай, 2011.
- Всеволодова М. В. К вопросу об операциональных методах категоризации предложных единиц // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 103–135.
- Всеволодова М. В. Грамматические аспекты русских предложных единиц: типология, структура, синтагматика и синтаксические модификации // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 3–26.
- Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. «Филология». 2003. № 2. С. 17–59.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е. М., 1981–1984.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка. Интернет-ресурс. <http://www.ruscorgo.ru>
- СОШ — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М. 1992.

Двойные предлоги в современном македонском языке

Т. С. Ганенкова

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Двойные предлоги, семантика, македонский язык

Summary. The paper investigates the semantic of combination of two prepositions (double prepositions) in Macedonian. This phenomenon exists in other Slavic languages, but in a lesser degree than in Macedonian (and Bulgarian).

В работе исследуется употребление двух предлогов подряд (двойные предлоги) в современном македонском языке. Это явление встречается и в других славянских языках, но количество возможных сочетаний (например, в русском языке *из-за, из-под*, в польском — *znad, sprzed, spod* и т. п.) очень мало по сравнению с разнообразными двойными предлогами в македонском (и болгарском) языке. Анализ показал, что существует несколько типов сочетаний предлогов. Первый тип представлен такими сочетаниями, значение которых является суммой значений составляющих: например, *летово ја шишам до над рамења* «этим летом я стрижу [волосы] выше плеч (буквально до над плечами)».

В ходе истории македонского языка у некоторых сочетаний предлогов появились значения, которые нельзя объяс-

нить суммой значений: например, *ке гледаш да купиш нешто поевтино, докај педесет денари* «постарайся купить что-нибудь подешевле, где-то до 50 денар». Такие сочетания мы считаем самостоятельными предлогами, образованными из сочетания двух предлогов. Некоторые сочетания предлогов семантически опростились и выражают значение, свойственное только одному из составляющих (например, *брод напред бура* «корабль среди бури»). В работе также анализируются случаи употребления двух предлогов подряд, нарушающие нормы литературного языка, но отражающие его систему: в частности редупликаты типа *поради за* (ср. *для ради* в русском языке).

Исследование рассматривает семантические процессы, а также ряд трансформаций, происходящих при употреблении двух предлогов подряд.

Прагматикализация и грамматикализация в языке

Е. И. Граф

Институт славистики, Мюнхенский университет Людвиг-Максимилиана (Мюнхен, Германия)

Прагматикализация, грамматикализация

Summary. The paper discusses the phenomena of language change, such as grammaticalization and pragmaticalization, although particular attention is paid to the latter. Pragmaticalization seems to be a phenomenon, which differs from classical grammaticalization in various aspects. Different features of pragmaticalization will be shown with the help of examples from the discourse level of language, which have lost over time their former grammatical functions in favour of their current pragmatic ones.

«Классическая» теория грамматикализации описывает, как известно, процесс морфологизации самостоятельных единиц языка и их переход с лексического на морфо-синтаксический, т. е. грамматический уровень, вследствие чего полнозначные языковые единицы становятся грамматическими показателями. Однако, как показывает целый ряд единиц дискурсивного уровня (например, частицы, формулы речевого этикета, междометия), в языке можно проследить также процесс, противоположный «классической»

грамматикализации. Этот процесс может быть назван «прагматикализацией» языковых единиц. В отличие от грамматикализации процесс прагматикализации связан с утратой грамматических функций у целого ряда флектированных форм, а также со своеобразным «замораживанием» этих форм и их переходом на коммуникативный уровень языка, где они выполняют сугубо прагматические функции. В докладе рассматриваются различные примеры этих двух процессов и уточняются их специфические признаки.

Семантический потенциал русской (славянской) видовой пары в современном политическом дискурсе

О. К. Грекова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Семантический потенциал, видовая пара, коммуникативная стратегия, политический дискурс

Summary. In this paper the realization of the semantic potential of the Russian (Slavonic) aspectual opposition is in the limelight. The aspectual meanings are analyzed within the boundaries of concrete political communicative strategies.

Формулировка коммуникативных стратегий политика восходит к временам Аристотеля и претерпевает множественные толкования в наши дни. Мы остановимся на списке стратегий, приводимом О. Н. Паршиной: самопрезентация, нападение, дискредитация, самозащита, формирование эмоционального настроения адресата, информационно-интерпретационная, аргументационная, агитационная, манипулятивная [Паршина 2011: 13].

Немалую роль в решении коммуникативных задач говорящего играют видовые формы глагола. Мы рассмотрим некоторые проявления семантического потенциала русской (славянской) видовой пары в современном политическом дискурсе (далее ПД).

Коммуникативная стратегия самопрезентации в ПД связана с выбором определённого вида как в личной, так и в неличной форме глагола. В разных по жанру текстах ПД оказывается релевантной идея ожидаемого результата: *...Я с вами согласен. Выборность губернаторов и только выборность. Но мы ждали наказов избирателей. Ждали*

критики. Но мы её не получили (ТВ. «Россия». Выборы 2000. 13.03.2000). Выбор формы ПС реализует значение отсутствия ожидаемого результата и работает на имидж «честность перед избирателями». (Ср.: *не получили* — чистое отсутствие действия).

Действия возможные (чаще ожидаемые), вызывающие опасения говорящего, при самопрезентации могут быть представлены как случайные благодаря неличной, инфинитивной форме СВ в конструкции **НЕ + ХОТЕТЬ + ИНФИНИТИВ**: *Никому из нас не хотелось предстать в глазах собственного народа палачом. Поэтому был скрытый саботаж. Танк так и не выстрелил по Белому дому* (ТВ. 1 канал. 13 авг. 2011). *Как человек я не люблю П. И не хочу играть с ним в одной команде. Потому что не хочу сыграть плохо* (А. Горбунов в ТВ передаче «Поединок» 10 июня 2010 г.).

В стратегии нападения, дискредитации, формировании негативного настроения адресата, инфинитив СВ используется в конструкции **НИКАК + НЕ + ХОТЕТЬ + ИНФИНИТИВ**:

Я вижу, что он никак не хочет войти в состав Комитета, где он мог бы принести немалую пользу (Е. Гайдар. АиФ. 2002). *Ну никак не хотят они останавить эти свои реформы. Ну что ты будешь делать?* (В. Анпилов. ТВ. I канал. Июль 2010 г.).

Информационно-интерпретационная стратегия, присутствующая во многих речевых актах ПД и приводящая к созданию определённой языковой картины поля политики в сознании адресата, может быть связана со сложными структурами утверждения, выражаемыми предложениями с двойным отрицанием, чаще с СВ инфинитива: *В депутаты, как правило, не идут те, которые не хотят причаститься к большой власти* (И. Хакамада. ТВ. «Поединок». Сентябрь 2011). *Нельзя думать, что Россия не хочет навести порядок в своей стране.* (АиФ. № 27. 2010 г.).

Ряд стратегий и технологий речевого воздействия, свойственных ПД, связаны с явлением нарушения постулата количества. Нарушение постулата количества возможно и в сторону преувеличения (плюрализация), и в сторону уменьшения (сингуляризация, деинтенсификация). Рассмотрим пример плюрализации. Г. Явлинский: *«Яблоко» в принципе не может объединяться с такими людьми, как Чубайс и Кох. Придёт Чубайс, просчитает ситуацию, и сразу*

пойдут новые реформы, пойдёт развитие бандитского капитализма (РТР. 11.11.2003). Герой высказывания к тому моменту был у власти однажды, его гипотетические действия, обозначенные формами БС (*придёт, просчитает*), представлены как однократные в будущем времени, но являющиеся наглядным примером множества аналогичных. Мы имеем дело с так называемым наглядно-примерным значением формы БС.

Деинтенсификация действия может заключаться в переводе его с конечной фазы (обозначаемой с помощью глагола СВ прошедшего времени) на среднюю, менее определённую, фазу (обозначаемую глагольной формой НСВ прошедшего времени, указывающую на незавершённость) или в обозначении только самого факта наличия действия в прошлом (также глагол в форме ПН в общефактическом значении). Иногда два последних значения не разграничиваются. Например: Г. Явлинский: *В этом отношении наша партия выдвинула свою программу...* Б. Немцов: *Да, «Яблоко» выдвигало программу, но вам не удалось её воплотить в жизнь* (РТР. 18.11.2003. «Выборы 2003»).

Литература

Паришина О. Н. Российская политическая речь. Теория и практика. М., 2011.

Полифункциональные служебные слова в составе фразеологизмов

Н. О. Григорьева

Педагогический институт Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

Полифункциональность, служебные слова, фразеологизмы

Summary. This paper discusses the problem of representation of polyfunctional form words in the frazeological units and correlative matching for similar units in the Russian and Ukrainian languages.

Полифункциональные служебные слова представлены не только в русском, но и в других языках, в том числе славянских. Объем и состав класса полифункциональных служебных слов определяется спецификой системы конкретного языка, но можно предположить, что в значительной части славянских языков представлены типичные репрезентанты данного класса. При этом могут происходить некоторые фонетические, реже структурные и семантические изменения, обусловленные особенностями конкретного языка. Часть служебных слов, относимых нами к классу полифункциональных, представляют собой элементы общеславянского фонда, а изменения в их фонетическом, структурном оформлении, семантике обусловлены спецификой развития конкретного языка. Однако при этом они сохраняют основные признаки полифункциональных служебных слов. Кроме того, можно отметить взаимовлияние языков, как собственно литературных, так и диалектов, в том числе кросс-культурных. В частности, это позволяет фиксировать такие служебные слова, как *хай* в украинском литературном языке и донских говорах в качестве полифункциональных. В русском языке на современном этапе его развития данное слово фиксируется только в диалектной сфере.

Как известно, синтаксически фразеологизированными считаются сложные предложения с отношениями компонентов, не вытекающими из их семантики. Они находятся на периферии системы сложного предложения, так как лишены некоторых его признаков, но сохраняют структурную схему сложноподчиненного предложения, их компоненты связаны между собой идиоматически. Фразеологизация конструкций со структурным компонентом полифункциональным служебным словом может быть синтаксической, контаминированной (морфолого-синтаксической), а также лексической (если данное служебное слово в составе фразеологизма). Наличие именно полифункционального служебного слова можно считать отличительным признаком фразеологизированных конструкций, что обусловлено и спецификой их семантики. Предложения с полифункциональными служебными словами могут функционировать в конструкциях, близких к вводным и вставным. Часть полифункциональных служебных слов репрезентируется и во вставных, и во вводных конструкциях, часть только во вставных, что обусловлено спецификой их семантики и

коммуникативно-функциональным потенциалом. Часть лингвистов (см., например, работы А. Ф. Прияткиной) выделяют особые текстовые скрепы, к которым относят и «вводные сочетания». При этом отмечается, что текстовые скрепы представляют собой «зарождающийся класс служебных слов», но с нашей точки зрения, это устойчивые модели, включающие полифункциональные служебные слова и располагающиеся на периферии фразеологизированных конструкций.

Наибольшим коммуникативно-функциональным потенциалом обладает служебное слово *чтобы*. Так, анализ материала позволяет выделить группу предложений с данным служебным словом, которые могут функционировать как близкие по значению к вводным: *чтоб вы знали; чтоб не соврать; чтоб не ошибиться; чтоб не (по)казаться нескромным; чтоб недалеко ходить (за примером); чтоб быть точным; чтоб сказать покороче; чтоб яснее выразиться* и некоторые другие. Следует отметить, что все конструкции данного типа выражают те или иные оттенки субъективной модальности, что, по всей вероятности, является обязательным условием возможности их функционирования в качестве вводных, и определяют чаще всего способ выражения мысли в той конструкции, в которой они употреблены.

В силу специфики коммуникативно-функционального потенциала, наличия субъективно-модального компонента семантики они не только способны функционировать в различного рода фразеологизированных конструкциях, но и обеспечивают возможность образования таких синтаксических единиц. При этом можно говорить о конструкциях различной степени фразеологизации, в том числе и собственно фразеологизмах. В последнем случае чаще представлены союзы-частицы, частицы-союзы, но могут использоваться и частицы. Чаще других служебных слов в таких конструкциях используются *чтобы, хотя / хоть: чтоб ты провалился, хоть режь, хоть плачь* и т. д. В устойчивых сравнениях, которые при широком понимании можно отнести к фразеологизированным конструкциям частотно репрезентируется служебное слово *как* или единицы, в состав которых входит это слово, а также его синонимы. Полифункциональные служебные слова русского языка и в таком употреблении имеют аналоги или синонимы в других славянских языках.

Конструкции с каждым полифункциональным служебным словом образуют единую систему, так как независимо от типа конструкции служебное слово реализует в них инвариантное значение (например, для *чтобы* — желатель-

сти, для *если* — альтернативности и т. д.). Далее в докладе рассматриваются коррелятивные соответствия фразеологизмов с полифункциональными служебными словами в русском и украинском языках.

Слов'янська грамати́ка службовості: лексикографічний аспект

А. А. Загітко

Донецкий национальный университет (Донецк, Украина)

Лексикографічна грамати́ка, категорійний клас слів, морфосинтагматична парадигма, морфологічна парадигма, контекстна парадигма, словникова стаття

Summary. Characterized features of categorical classes of words of functionality, established the basic qualification characteristics and parameters of lexicographic grammar of functionality distinguishing between broad and narrow sense; characterized types of units of lexicographic grammar of functionality and submitted defining features of paradigmatic space of functional words; proposed dictionary article is built a broad understanding of lexicographic grammar of functionality.

Сучасне розуміння граматики в широкому вимірі її проблем і підходів — від усталеної, що останнім часом все більше витлумачується як класична (хрестоматійна), до референційної (референційно-прагматичної), ідеографічної, «природної» — ґрунтується на основних постулатах номінативно-екзистенційної науковолінгвістичної парадигми. Це мотивує необхідність аналізу відповідного мовного явища через призму дискурсивних практик (у процесному вияві та текстальному вираженні), що й умотивовує актуальність розгляду службовості в її функційному вимірі зі встановленням закономірностей лексикографічного тлумачення усього обсягу традиційно витлумачуваних класичною грамати́кою службових елементів.

Метою аналізу виступає визначення одиниць і категорій лексикографічної грамати́ки службовості з послідовною характеристикою обсягів і смності функційно-семантичної парадигми службових одиниць.

Вперше пропонується вичерпну характеристику лексикографічної грамати́ки службовості і встановлено оптимальну модель словникового тлумачення службових елементів у характерологічному, функційному, синтагматичному, парадигматичному, еволюційному та інших аспектах.

Теоретичне значення полягає у виявленні обсягів лексикографічної грамати́ки службовості та з'ясуванні основних компонентів словникової статті службового елемента. Практичне спрямування дослідження мотивоване можливістю використання його результатів у практиці викладання частин мови, розкритті основних понять лексикографії та укладанні загальних системно орієнтованих словників.

Адекватне висвітлення та вичерпна характеристика усіх ознак (диференційних, кваліфікаційних, класифікаційних та інших) та вимірів / рівнів (формально-граматичного, семантико-синтаксичного, комунікативного і под.), встановлення напрямів поповнення множинності службовості, визначення смності парадигмального простору службовості тощо складає основу грамати́ки службовості (типологічної, структурної, функційної та інших).

Поняття лексикографічної грамати́ки у своїй основі ґрунтується на загальнограматичних постулатах службовості, кваліфікаційних ознаках службовості та її типологічності, диференціюванні категорійно-класних службових слів, адекватному тлумаченні статусу словоформи в грамати́чному ладі та її співвідношенні з відповідним середовищем, у межах якого простежуване співвідношення первинного і вторинного функційного навантаження словоформи. Важливим постає визначення смності функційного виміру того чи того службового слова та набуття ним все нових і нових смислових відтінків, що особливо є значущим для з'ясування формування синкретичної семантики.

Вузке розуміння лексикографічної грамати́ки службовості ґрунтується на встановленні основних компонентів лексикографічного тлумачення службових елементів та розкритті особливостей їхнього функціонування, висвітленні їхніх структурних типів, характеристикі семантико-парадигматичних зв'язків тощо. Така лексикографічна грамати́ка постає наче дзеркальне відбиття узагальненого внутрішньомовного і зовнішньомовного навантаження службових елементів, їхнього парадигмального простору та ін. Подібне опрацювання спрямоване на підтвердження

особливого функційного статусу елемента, традиційно визначуваного як службовий. Кожний зі службових елементів набуває особливих вимірів у силу їхньої функційної специфіки та внутрішньореченнєвого навантаження, реалізації інтенцій повнозначних слів тощо. Ядерний компонент лексикографічної грамати́ки службовості здебільшого виявний у тлумачних словниках.

Широкое розуміння лексикографічної грамати́ки службовості вичерпно охоплює закономірності тлумачення службових елементів та увесь спектр їхньої парадигматики: синтагматичної, морфологічної, семантичної, функційної, дериваційної, контекстуальної (контекстної / текстової). Така грамати́ка враховує типологічні особливості службових категорійних класів слів з урахуванням позиційно-лінійної, структурної, змістової, характерологічної та інших особливостей відповідних елементів. З-поміж структурувальних елементів службовим словам належить особливий статус, опис яких є важливим і виступає не стільки у формально-описовому аспекті, скільки у змістовому з виявом їхньої синонімії і варіативності, антонімії й омонімії та ін., особливо в актуальному і прикладному аспектах.

Позиційно-лінійний вияв допоміжності дозволяє встановити смність і наповнюваність їхньої синтагматичної парадигми і схарактеризувати особливості їхньої сполучуваності. Усе це уможливило визначення парадигмального інвентаря кожної з частин мови.

Парадигмальний простір службових елементів. Прийменнику, сполучнику, частці властиві власні парадигмальні простори. Так, у сфері прийменника, сполучника, частки утворюються: а) морфологічна; б) морфосинтагматична; в) семантична ↔ функційно-семантична; г) дериваційна. До цих парадигм прилягає текстова / контекстуальна (контекстна). Така парадигма охоплює вихідне слово — ядро — та його контекстуальні (контекстні) кореляти. Лексикографічна грамати́ка службовості зорієнтована на висвітлення статусу таких елементів у змістовому просторі мови, що охоплює об'єктивні (диктальні — Ш. Баллі, диктуми — С. Кацнельсон) і суб'єктивні (модальні — Ш. Баллі), модусні) смисли (сюди ж належать структури цього простору: функційно-семантичні категорії, функційно-семантичні поля, системи значень, типові ситуації), водночас вона враховує сукупність засобів вираження тих чи тих смислів. Не менш важливим виступає розгляд типології засобів службовості в різних аспектах та характеристика в межах словникової статті їхнього функціонування у мовленні, враховуючи ті чи ті дискурсивні практики. Одним із постулатів лексикографічної грамати́ки постає також простеження мовних механізмів, що визначають адекватні потреби комунікантів функціонування у мовленні мовних засобів.

Створення цілісної лексикографічної грамати́ки службовості можливе за концептуального напрацювання усіх класифікаційних критеріїв та аспектів, що можуть бути доповненими квантитативними ознаками службових слів та встановленням особливостей аргументного / сирконстантного закріплення службового компонента в семантико-синтаксичній ієрархії речення. Лексикографічна грамати́ка службовості своєю основою має послідовне дотримання у висвітленні обов'язкових ознак службового слова та врахування в його кваліфікації факультативних ознак.

Электронный словарь аффиксальных морфем украинского языка

О. М. Зубань

Киевский университет имени Тараса Шевченко (Киев, Украина)

Аффиксальная морфема, морфная структура слова, автоматизированный лингвистический анализ, корпус украинского языка

Summary. Electronic Dictionary of Affix Morphemes of the Ukrainian Language is a system description of morphemes as invariants of the Language System. This dictionary can be used as a knowledge data base, as an instrument for automatic morphemic analysis of the Corpus of the Ukrainian Language and for the systematizations in the field of Morphemics and Derivation.

Электронный словарь аффиксальных морфем украинского языка создается коллективом преподавателей (Н. П. Дарчук, Л. А. Алексеенко, В. М. Сорокиным, И. В. Козленко и др.) и студентов Института филологии Киевского университета имени Тараса Шевченко и является электронным словарём динамического типа, который может использоваться: 1) как лексикографическая система, позволяющая выполнять различные систематизации в области морфемики и словообразования; а также 2) как блок автоматизированной системы лингвистического анализа (АСЛА), обеспечивающий извлечение лингвистической информации на морфемном и словообразовательном уровнях организации текста в Корпусе украинского языка.

АСЛА имеет модульно-словарную структуру и состоит из морфемно-словообразовательного, морфологического, синтаксического и семантического модулей. Функциональные возможности АСЛА обеспечиваются взаимосвязанной работой этих модулей, и в первую очередь с морфологическим модулем, который идентифицирует словоформу текста с её словарной формой в каждом модуле.

Электронный словарь аффиксальных морфем входит в морфемно-словообразовательный модуль АСЛА. Модуль состоит из трёх блоков: морфемная база данных (МБД), морфемный сегментатор словоформ текста, словарь аффиксальных морфем. Блоковая структура модуля может увеличиваться в соответствии с задачами лингвистического анализа. Центральным в этом модуле есть блок МБД — это электронный словарь морфных структур слов украинского языка (≈ 170 тыс. слов), который моделирует морфную структуру каждого слова посредством программной процедуры, определяющей структурно-функциональный тип морфа (префикс, суффикс и т. д.) и его границы в структуре слова. Описание морфной структуры каждого слова МБД посредством программной процедуры обеспечивает использование МБД как автоматизированной системы морфемного анализа. В создании Электронного словаря аффиксальных морфем украинского языка она была использована для группировки лексики в общеаффиксальные классы по формальному признаку.

Составление Электронного словаря аффиксальных морфем осуществляется путём создания электронной картотеки

аффиксальных морфем, где каждому морфу в отдельно взятом слове, соответственно с поставленными в словаре задачами, приписывается необходимая параметризованная информация. На основе этой картотеки составляется словарная статья, задачей которой является описание аффиксальной морфемы в следующих аспектах: 1) **парадигматическая целостность морфемы** подразумевает группирование всех алломорфов морфемы, как инвариантно-вариантной модели, например морфема -АК- в значении 'лица' представлена следующими алломорфами: -ак-, -ач-, -к-, -ч-, -ац-, -аць-, -ц-, -ць-; 2) **семантическая структура морфемы** определяется как семантическое поле, объединяющее все морфы одной морфемы в целостную языковую единицу. Эта структура имеет иерархическую организацию, например, интегральная сема 'лицо' подчиняет себе дифференциальные семы 'деятель', 'представитель профессии', 'носитель признака' и т. д. 3) **словообразовательная / структурная функция** каждого морфа аффиксальной морфемы показывает словообразовательный потенциал этой морфемы, а также даёт возможность изучить реализацию семантики морфемы в обеих функциях; 4) **позиция в морфной структуре слова:** определяется с помощью функционально-позиционной модели морфной структуры слова (напр., *чуд-ерн-аць-к-ий* RSSSF), а также классификации слов с анализированным морфом по определённым моделям, что даёт возможность представить полную дистрибутивную характеристику каждого алломорфа; 5) **морфонологические процессы:** описываются по морфонологическим моделям (чередование, усечение, интерфиксация, интерференция) с учётом мотивирующего слова в двух аспектах: определение причин морфонологических альтернатив в пределах морфов анализированной морфемы и в других морфах дериватов, образованных с помощью анализированного морфа.

Таким образом, параметризованная лингвистическая информация словарной статьи представляется в форме интерактивной системы с удобным интерфейсом, который обеспечивает выполнение разнообразных классификационных задач в пределах аффиксальной выборки МБД, а также может быть использована как инструмент автоматизированного морфемного анализа параметризованного текста Корпуса украинского языка.

Чешские иллокутивные директивные и директивно-коммиссивные глаголы в словаре и в корпусе

А. И. Изотов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Explicit performative utterances, directive, illocutionary verb, modern Czech

Summary. The functioning of directive and hybrid directive + commissive illocutionary verbs in modern Czech is analysed. According to the Czech National Corpus (namely the corpora SYN2000, SYN2005, SYN2006pub, SYN2009pub, SYN2010), such Czech verbs as *doporučovat, dovolovat, hlásit se, nabídat, nabízet, napomínat, nařizovat, navrhovat, odporučovat, poroučet, pověřovat, požadovat, prosit, příkazovat, přimlouvat se, připomínat, radit, rozkazovat, ukládat, upozorňovat, varovat, volat, vybízet, vyprošovat si, vyzývat, zakazovat, zaklínat, zapovídat, zapřísahat, zvat, žádat* can be used in the explicit performative utterances. Some statistics is presented.

Конструкции с иллокутивными директивными и директивно-коммиссивными глаголами, а также конструкции с императивом образуют в современном чешском языке центр функционально-коммуникативной категории императивности, которая понимается нами как конгломерат подкатегорий, образуемых на базе актантажной рамки предиката, при этом наиболее важными являются три подкатегории, образуемые на базе следующих трех категориальных ситуаций: **Субкатегория 1** — прескриптором является говорящий,

агентом — слушающий / слушающие («побуждение 2-го лица»); **Субкатегория 2** — прескриптором является говорящий, агентом — говорящий + слушающий / слушающие («инклюзивное побуждение»); **Субкатегория 3** — прескриптором является говорящий, агентом является лицо, не являющееся ни прескриптором, ни слушающим («побуждение 3-го лица»). Ядро каждой из этих трех субкатегорий образовано конструкциями с императивом, конвенциализованными для выражения иллокутивно универсального по-

буждения, и эксплицитными перформативными конструкциями, конвенциализованными для выражения иллюкутивно специфицированного побуждения. Ядро первой субкатегории является в то же время ядром всей функционально-семантической категории императивности.

Эксплицитные перформативные высказывания, в отличие от конструкций с морфологическим или синтетическим императивом, более или менее однозначно определяют иллюкутивный тип побуждения как *приказ, просьбу, совет* и т. д. Случаи иллюкутивной транспозиции типа *просьба* → *требование* могут быть описаны как следствие действия «принципа вежливости» Лича.

Мы попытались расширить список чешских директивных и директивно-комиссивных иллюкутивных глаголов из [Hirschová 2004] глаголами *dovolovat; nabádat; napomínat; obsílat; odporučovat; přimlout se; schvalovat; ukládat; upozorňovat; velet; volat; vybízet; vyprošovat si; zaklínat; zapovídat; zapřísahat*. Большинство этих глаголов приводится в Словаре чешского литературного языка (1989), причем употребление некоторых из них иллюстрируется именно эксплицитными перформативными конструкциями, например: *zaklínám vás, abyste mne vyslechli; zapovídám ti, abys tam šel; zapřísahám krále při všem, co svatého, aby...*

Расширенный список чешских директивных и директивно-комиссивных иллюкутивных глаголов (39 единиц):

doporučovat; dovolovat; hlásit se; nabádat; nabízet; napomínat; nařizovat; navrhovat; objednávat; obsílat; odporučovat; poroučet; pověřovat; požadovat; prosit; přihlašovat se; přikazovat; přimlout se; připomínat; ptát se; radit; rozkazovat; schvalovat; tázat se; ukládat; upozorňovat; varovat; velet; volat; vybízet; vyprošovat si; využívat; zakazovat; zaklínat; zamlouvat si; zapovídat; zapřísahat; zvat; žádat

В современном чешском языке исходный тип эксплицитной перформативной конструкции имеет вид сложноподчи-

ненного предложения, содержащего форму 1 лица настоящего времени иллюкутивного глагола в главной части, например:

Proto vás prosím, abyste odešli. (SYN2010)

Для поиска в Национальном корпусе чешского языка подобных примеров были использованы запросы следующего типа (естественно, были проверены все 39 названных выше глаголов, а не только глагол *doporučovat*):

Поиск примеров на побуждение второго лица

```
[word="[Dd]oporučuj[iu]" ][]{0,10} [word="abyste"] within <s>
[word="[Dd]oporučuj[iu]" ][]{0,10} [word="abys"] within <s>
[word="[Dd]oporučuj[iu]" ][]{0,10} [word="aby"][]{0,10}
[word="ses"] within <s>
[word="[Dd]oporučuj[iu]" ][]{0,10} [word="aby"][]{0,10}
[word="sis"] within <s>
```

Поиск примеров на инклюзивное побуждение

```
[word="[Dd]oporučuj[iu]" ][]{0,10} [word="abychom"] within <s>
[word="[Dd]oporučuj[iu]" ][]{0,10} [word="abysme"] within <s>
```

Поиск примеров на побуждение третьего лица

```
[word="[Dd]oporučuj[iu]" ][]{0,10} [word="aby"] within <s>
```

Полученные контексты подвергались визуальному контролю для дифференциации перформативного и неперформативного употребления данных конструкций.

Доклад содержит результаты статистической обработки полученных данных.

Литература

- Hirschová M. Jaké poznatky o ilokučních slovesech lze z korpusu získat? // Karlík P. (ed.). Korpus jako zdroj dat o češtině. Brno: 2004.
Leech G. N. Principles of pragmatics. London; New York, 1983.
Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1989.
Изотов А. И. Императивность как прагмалингвистический феномен: На материале чешского языка. М., 2008.

Глаголы со значением физиологического состояния лица в сербском и русском языках

С. А. Кабанова

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия)

Семантическая классификация глаголов, физиологическое состояние лица, семантический субъект, функциональный эквивалент

Summary. The paper deals with the analysis of the verbs denoting physiologic state of the person in distant Slavic languages, the peculiarities of their semantic-grammatical valence, and correspondences taking place in translating such verbs from Serbian into Russian and vice versa.

Данная группа глаголов, широко представленная в обоих славянских языках, характеризует физиологические состояния человеческого организма, возникающие под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. Названная семантическая группа объединяет в себе несколько рядов, наиболее крупными из которых являются следующие:

- 1) глаголы, характеризующие болезненное состояние лица, организма или его части (серб. *болети, боловати, вртети се, поразболевати се, мутити се, мучити се, повраћати, патити, поболети*; рус. *болеть, зацелить, звенеть, кружиться, ломить, ныть, обезножить, отниматься, разболеться, саднить, сводить, стучать, тошнить, щипать, хворать*);
- 2) глаголы, указывающие на улучшение или нормализацию состояния (серб. *опоравити се, опорављати се, исцелити се, оздравити, излечити се*; рус. *вылечиться, выздороветь, поправиться, утихать, утихнуть, ожить, полегчать, поздороветь, зажить, отойти, оклематься*);
- 3) глаголы, указывающие на разные стадии сна (серб. *дремати, заспати, задремати, спавати*; рус. *забыться, засыпать, уснуть, проспать*);
- 4) глаголы, указывающие на состояние бодрствования (серб. *бдити, пробудити се, расанити се*; рус. *бодрствовать, проснуться, просыпаться*);
- 5) глаголы, указывающие на проявление «температурного состояния» организма (серб. *назепсти, смрзавати се, угрејати се*; рус. *закоченеть, леденеть, озябнуть,*

остыть, похолодеть, промерзнуть, пылать, согреваться, согреться);

- 6) глаголы, указывающие на физиологические ощущения голода и жажды (серб. *гладовати, огладнети, жеднети*; рус. *проголодаться*);
- 7) глаголы, указывающие на состояние опьянения (серб. *опити се*; рус. *пьянеть*);
- 8) глаголы, указывающие на выход из состояния опьянения (серб. *трезнити се, истрезнити се*; рус. *трезветь*);
- 9) глаголы, указывающие на бессознательное состояние (серб. *онесвестити се, онесвеснути*; в русском материале в данном случае употребляются как глаголы (*сомлеть*), так и устойчивые сочетания: *лишиться чувств, падать в обморок*);
- 10) глаголы, указывающие на выход из бессознательного состояния (серб. *освестити се, оживети*; рус. *очнуться, прийти в себя*);
- 11) глаголы ощущения (серб. *осетити, осећати*; рус. *чувствовать, почувствовать, ощутить, ощущать*).

Данные глаголы выступают в лично-субъектных и безличных предложениях, где субъект-лицо является носителем состояния — экспириенсером или обладает объектной семантикой, поскольку состояние возникает под воздействием внешних факторов и собственной волей лица не регулируется. Основными формами выражения субъекта являются: в сербском иллюстративном материале — формы номинатива, датива, аккузатива (как правило, усеченные) или инструментала; в русском материале — именительный

и дательный падежи, реже — родительный или творительный с предлогом.

Иллюстративный материал извлечен из произведений М. Црнянского «Сеобе» (ЦС) и «Роман о Лондону» и их переводов на русский язык, М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (Булг) и его перевода на сербский язык, а также рассказов и повестей Р. Погодина (РП).

Значение состояния проявляется как наступившее до момента речи и наличествующее в момент речи, существующее в течение некоего временного отрезка; процессуальное или результативное, поскольку одно состояние является результатом смены состояний (*спать — проснуться — бодрствовать; засыпать — заснуть — спать*), причинно-следственных связей состояний (*озябнуть — простудиться; употреблять спиртное — разозлиться*) или действий и состояний (*успокоить — успокоиться*), длительного воздержания в еде / питье (*долго не есть / не пить — проголодаться / ощутить жажду, захотеть есть / пить*): рус. — *Ничего не пейте, кроме воды, а то вы размолеете, и вам будет трудно* (Булг 265). — *Ништа не пијте осим воде, јер ћете иначе изнемоћи и биће вам јако тешко* (Булг 327).

Подобное состояние связано в протекании с более / менее длительным временным отрезком и проявляется в разной степени, что в синтаксической структуре выражается детерминантами со значением меры / степени и времени (наречия, предложно-падежные формы, синтаксически несвободные сочетания): серб. *Целу ноћ он је чуо њино шапутање и гужање, док се болесно дете сваки час будило и плаќало* (ЦС1–54). — *Всю ночь он слышал их шепот и воркование, а больной ребенок без конца просыпался и плаќал* (ЦС1–47).

При наличии в предложении указания на место локализации состояния субъектным значением обладает форма, на-

зывающая лицо, а с названиями частей организма сочетаются глаголы, обозначающие прежде всего те или иные ощущения: так, *кружится* обычно *голова*, *ноет* в *виске* (или *висок*), *мутится* *сознание* (или *мозг*), *болит* *голова* (*полголовы, зубы*), *гудит / шумит* в *голове*, *звонит* в *ушах*, *щиплет* в *носу*, *коченеют / отнимаются* *руки* (*ноги*), *зудит* *кожа*.

К названным группам глаголов семантически примыкают и те, которые называют намеренные или ненамеренные действия / воздействия, приводящие к возникновению того или иного состояния (*отморозить* [*пальцы*], *сводить / свести* [*скулы, ноги*], *обметывать* [*рот*]).

Косвенно указывают на физиологическое состояние лица и глаголы, связанные со значением внешнего проявления состояния (серб. *сасушити се, закравати се, отежати, поружњати, угојити се*; рус. *похудеть, подурнеть, ссыхаться*); подобная функция присуща и колоративным глаголам: рус. *Глаза Сенькины покраснели от боли, а сам он уже из зеленого сделался серым* (РПЛ 220).

Анализ сербского и русского иллюстративного материала приводит к следующим выводам:

1. В русском языке широко распространены личные глагольные формы в безличном значении для описания семантики физиологического состояния лица, в частности, испытываемых ощущений.
2. Переводы с сербского языка на русский конструкций с глаголами названных семантических групп и с русского языка на сербский свидетельствуют о функциональной эквивалентности глаголов и семантически близких им устойчивых сочетаний.
3. В сербском языке не развито определение-причастный оборот, семантически равноценное придаточной атрибутивной части в составе сложного предложения.

За некои функции на императивот во македонскиот јазик и во другите словенски јазици-прашањето на глаголскиот вид при негација

М. Каранфиловски

Императив, македонски јазик, глаголски вид, негација, словенски јазици

Универзитет Святих Кирилла и Методия (Скопје, Македонија)

Summary. For some functions of the imperative in Macedonian and other Slavic languages — question of the negative verb form. The forms of the imperative in Macedonian language and other Slavic languages can express politeness, rudeness, request, invitation, agreement, and refusing any offer or proposal etc. The use of such functions of imperative forms in Macedonian language in many things may be different from the appropriate use of such features of the imperative in other Slavic languages. These functions are compared with the corresponding functions in other Slavic languages and specially in the Russian language.

Со формите на императивот и во македонскиот како и во другите словенски јазици може да се изразува учтивост, грубост, молба, покана, согласност, одбивање на некаква понуда или предлог итн. Употребата на ваквите функции на императивните форми во македонскиот јазик во многу нешта може да се разликува од соодветната употреба на ваквите функции на императивот во другите словенски јазици. Посебно прашање е и употребата и функционирањето на негираните императивни форми во македонскиот јазик и во словенските јазици. Основно значење на негираните императив во словенските јазици е

искажувањето забрана (прохибитив). Свршениот вид ја претвора забраната во застрашување, закана или предупредување. Во македонскиот јазик императивните форми од свршени глаголи се мошне ограничени — некои форми се целосно лексикализирани, а други имаат стилска нијансираност на искажување услов со совет, препорака или застрашување. Интересна е употребата со искажување неопходност од обратна реакција, како и искажувањето последица и причина. Овие функции се споредуваат со соодветните во другите словенски јазици и посебно во рускиот јазик.

Усеченные и краткие атрибутивные прилагательные в языке русской литературы

А. С. Кулева

Академиздатцентр «Наука» РАН (Москва, Россия)

Усеченные прилагательные; грамматические архаизмы; поэтический язык

Summary. Evolution of sights at the clipped forms of adjectives can be presented as a way from their identification with short-form adjectives at first to full differentiation of the clipped and short-form adjectives. These forms are considered as artificial forms of full adjectives with which they are united by the attributive use.

В современном русском языке краткие прилагательные, не склоняющиеся и использующиеся только в предикативной функции, противопоставлены полным. Грамматика не допускает существования кратких атрибутивных прилагательных (за исключением застывших форм типа *на босу*

ногу). Тем не менее, есть сфера, где такие формы встречаются — это язык художественной литературы.

Во-первых, назовем такой элемент языка русской поэзии, как **усеченные прилагательные**, которые традиционно рассматриваются как искусственные книжные формы, по-

структуре близкие именным формам, но по своему грамматическому значению и синтаксической функции относящиеся к парадигме полных прилагательных. Во-вторых, краткие атрибутивные прилагательные используются в качестве элемента стилизации (например: «В художественной литературе, преимущественно в поэзии, краткие формы в определительной функции употребляются в целях создания народно-поэтического колорита; так у Блока: *Ой, синь-туман, ты мой! Ал сарафан — пожар, что девичий загар!* («Песельник»))» [Краткая русская грамматика 2002: 256]).

Учебная и справочная литература предписывает строго разграничивать усеченные и краткие формы (например: «От кратких прилагательных, употребляющихся только в качестве сказуемого, следует строго ограничивать встречающиеся в стихотворной речи XVIII–XIX вв. прилагательные усеченные, которые в предложении выступают как определения. Эти прилагательные образовывались от соответствующих форм полных путем отсечения от окончания конечного гласного и предшествующего ему звука -j-. Они производились от полных прилагательных не только в форме именительного падежа, но и в форме винительного падежа, причем как от качественных, так и от относительных. От кратких форм эти прилагательные отличались также и тем, что абсолютно во всех случаях сохраняли ударение соответствующих им полных. Употреблялись эти прилагательные в поэтическом языке чисто в версификационных целях» [Галкина-Федорук, Горшкова, Шанский 2009]).

Важно, что термин «усеченные прилагательные» первоначально использовался в церковнославянских и русских грамматиках по отношению к кратким формам. Краткие атрибутивные формы частотны в силлабической поэзии XVII в. (язык которой во многом близок церковнославянскому; кроме того, силлабическая традиция связана с белорусско-польско-украинским культурным влиянием). Поэты-филологи XVIII в. (Кантемир, Тредиаковский, Ломоносов), для которых атрибутивное употребление таких форм было одной из поэтических вольностей церковнославянского происхождения, противопоставляли их народным формам типа *бел шафер* или *калена стрела*, как можно предположить, по стилистическим причинам [Винокур 2006].

По словам В. В. Виноградова, «в поэтическом языке XVIII в. и первой трети XIX в. различались стяженные (усеченные) и нечленные в собственном смысле формы имен прилагательных» [Виноградов 1972: 217]. Использование здесь термина «стяженные» (обычно характеризующего способ образования новых форм прилагательного в некоторых русских диалектах и славянских языках) следует признать неудачным совпадением (от стяженных форм усеченные прилагательные отличаются наличием форм И. м. р. ед., а также косвенных падежей). Однако рассмотрение усеченных прилагательных в более широком контексте истории имени прилагательного в русском и славянских языках представляет интерес.

Как показывает анализ большого объема текстов, усеченные прилагательные продолжают встречаться в русском

поэтическом языке вплоть до нашего времени. Собранный материал (при рассмотрении более чем 30 тысяч стихотворных текстов 450 авторов XVII — начала XXI в. было обнаружено более 15 тысяч таких форм) позволяет пересмотреть традиционные взгляды на усеченные прилагательные.

Так, во-первых, рассматриваемые формы часто используются вне связи с рифмой и стихотворным размером (например, в виршевой поэзии), что ставит под сомнение утверждение о «чисто версификационной функции». Во-вторых, признаки, которыми обычно подтверждают искусственность усеченных форм (образование форм от слов других разрядов, сохранение ударения на основе и др.), могут отличать и другие формы прилагательных (древние именные формы, краткие формы в нормативном предикативном употреблении), например: *смыслу королевску дивитися; озарение луно* (в виршевой поэзии XVII в.); *Вот они, эти струны, / Будто медны и будто чугуны; А на небе ясны солнышки. / Им всё ясно. / Они красны, / Они зелены, / Они голубы* (в современной поэзии). В языке художественной литературы различные по происхождению формы употребляются со значительной смысловой и стилистической нагрузкой, причем нередко формы, которые можно было бы назвать искусственными усечениями, встречаются в фольклорных стилизациях, а устойчивые сочетания трансформируются и переосмысляются, например: *Распевают малы птички / Архангельски гласы* (Кузмин); *Пить скорее сок березы / Буду, лить чем белы слезы* (Хлебников); *От полуночи / До синя утра / Над Невой твоей / Бродит тень Петра* (Есенин); *сжался до размеров тех / где ни права и ни лева / ни покрывки и ни дна — / только лунка для посева / пусто место для зерна* (Кривулин); в том числе и в языке прозы: *в родительску кубышку, в казенны подряды* (Мельников-Печерский).

Таким образом, как определяющий признак усеченных форм можно рассматривать не столько искусственность их образования и техническую роль в языке поэзии, сколько укорененность в истории русского языка и русской (шире — славянской) культуре. Отметим, что усеченные прилагательные привлекают внимание современных исследователей — и как выразительная деталь поэтического текста, и как морфологическое явление [Зубова 2000: 9–13]; [Плунгян 2011: 233].

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
 Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М., 2006.
 Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. М., 2009.
 Зубова Л. В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М., 2000.
 Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М., 2002.
 Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

Языковая и ментальная динамика категорий количества и разнообразия в русском и польском языках

В. Г. Кульпина, В. А. Татаринов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Категория количества, категория разнообразия, метафора, языковая динамика, счетное существительное

Summary. The paper is devoted to category of quantity and category of diversity, their interrelations and dynamics.

Из истории лингвофилософской мысли известно, что состав категорий отличается высоким уровнем динамизма. Онтологическая лингвистика могла бы обходиться категориальным составом аристотелевской логики. Но уже со времен Канта становится очевидным, что состав категорий

человеческого мышления бесконечен и зависит от их феноменологического истолкования. Так, категория количества уже у Канта дробилась на единство, множество и цельность.

При сугубо лингвистическом рассмотрении категориальная мультиплицируемость перемещается в центр лингводи-

дактики и перевода. Наряду с развитием достаточно общих и синкретичных обозначений количества типа *штуки*, *экземпляры* и т. п., язык развивает все новые специализированные обозначения, относящиеся лишь к определенному типу квантифицируемых объектов. Если мы сопоставим счетные существительные русского и польского языков, то можем обнаружить разительные различия внутренней формы. Так, в польском языке скот считают «на штуки», а в русском языке — «по головам». Ср.: 40 sztuk bydła '40 голов (букв. штук) скота'. Для капусты же в польском языке имеется обозначение *główka* 'головка' — *główka kapusty* 'кочан (букв. головка) капусты'.

Характерно, что номинации групп однородных предметов также привязаны к определенным типам счетных существительных, которые не раз могут ввести в заблуждение. Так, в русском языке существительное *стадо* может обозначать какую-то более или менее крупную группу домашних животных, пасущихся на определенном пространстве, выпас которых традиционно «контролирует» пастух — например, *стадо овец*, *стадо коров*. В польском же языке амплитуда его применения значительно шире. С помощью существительного *stado* 'стадо' могут обозначаться и группы диких животных, например, *волчья стая*: *stado wilków*, *лежбище тюленей*: 'stado fok'.

Эти процессы развития счетных существительных и счетных обозначений групп предметов с особой интенсивностью развиваются на базе языковых механизмов метафоризации: *стаи туч* (в то время как обычно слово *стая* относится к птицам), *мирады мыслей* (ср. *мирады звезд*). В указанных сферах особенно распространены метафорические обозначения, которые образуют устойчивые конфигурации на основе определенных типов объектов. Мы говорим *тма грибов*, *куча всякого добра*, угощения на свадьбе было *сколько душе угодно* и делаем интертекстуальные вкрапления типа *полным-полна коробушка*.

Понятие разнообразия следует отграничивать от категории количества, ведь количественный состав группы предметов представлен здесь неоднородными членами, хотя и связанными по каким-то признакам, позволяющим мыслить эти предметы как совокупность. Понятие разнообразия следует дифференцировать от понятия неупорядоченного множества — например, *ворох бумаг*, *куча камней* — когда мы имеем дело с однородными однотипными предметами, представляющими собой хаотическое нагромождение.

Центром лингвистической категории разнообразия в русском языке являются лексемы *разнообразие*, *многообразие* и *разнородность*, в польском языке — *rozmaitość* 'разнообразие' и *różnorodność* 'разнородность'. К лексемам данного типа относятся, к примеру, *аксессуары*, *ассорти* и т. п. *Шоколадное ассорти* (польс. *mieszanka czekoladowa*) объединя-

ет в совокупность шоколадная субстанция и единый замысел оформления в пределах одной коробки при возможной вкусовой и / или определенной внешней непохожести составляющих. Отметим, что формой экзистенции количественных отношений и отношений многообразия являются конкретные предметы или абстрактные сущности, которые имеют место в окружающей действительности или представлены в ментальном мире человека.

В научном языке для обозначения понятий разнообразия применяются существительные *гетерогенность* (прилагательное *гетерогенный*) и *дифференцированность*, польскими эквивалентами которых являются *heterogeniczność* и *zróżnicowanie*. В сфере отраслевых терминологий нередко имеет место смешение, комбинирование разных веществ с целью получения объектов с какими-то новыми заданными свойствами. Такими комбинациями являются *сплав*, *амальгама*, *раствор*, *запчасти*. В сфере кулинарии комбинациями разных продуктов являются *соус*, *салат*, *мюсли*. В сфере кулинарии комбинациями разных продуктов являются *соус*, *салат*, *мюсли* (как смесь разных продуктов, прежде всего на базе овсяных хлопьев (считающихся особенно полезными) с сухофруктами, медом, орехами и т. п. В центре данной категории в отраслевых терминологиях стоит слово *смесь* как смешение разных веществ.

Понятие разнообразия / многообразия, как и количества, выражается специфическими «типами» счетных существительных, которые проявляют тенденцию к постоянному развитию на основе процессов метафоризации, например: *калейдоскоп оней*, но *радуга красок*, *целая палитра эмоций*, *коктейль ощущений*. Примером семантики смешения может послужить понятие *коллажа*: коллаж прежде всего означает переплетение нитей, например, в трикотажном изделии. Однако в современном языке развилась семантика коллажа как комбинации разнородных предметов, например, коллажем может называться тематическое сочетание фотографий или рисунка / живописи и фотографии. В негативном смысле коллажем может называться преднамеренно созданное фальшивое сочетание разных фотографий или разных компьютерных изображений, предназначенное для того, чтобы ввести в заблуждение (например, криминалистов).

В процессы развития новых обозначений для групп разнообразных предметов вовлекаются и процессы заимствования лексических единиц. Ср., например, обозначение группы разнородных предметов, имеющих дополнительное, часто декоративное, применение в какой-либо области — *гаджеты*, которое употребляется в России и в Польше достаточно широко.

Таким образом, есть все основания полагать, что категория количества очевидно может быть дополнена подкатегорией разнообразия.

Семантическое согласование в аспекте толерантности языковой нормы

Э. П. Лаврик

Ставропольский государственный университет (Ставрополь, Россия)

Семантическое согласование, норма, подвижность, языковая игра

Summary. Dynamics of standard in relation to agreement are examined in the paper; the reasons behind the functioning of semantic agreement, its types and objectives are explored.

В докладе рассматривается динамика языковой нормы в отношении согласования, выявляются причины функционирования в языке семантического согласования, его разновидности и задачи.

В последние десятилетия как в русской, так и в зарубежной лингвистической науке наметился повторный виток интереса к согласованию [Июмдин 1990], [Казенин 1999], [Кибрик 1999], [Русаква 2009], [Babby 1988], [Corbett 1994], о котором, как казалось, практически все известно грамматистам. Существует узкое и широкое понимание согласования. В узком смысле согласование рассматривается как способ подчинительной связи в словосочетании, широкое понимание согласования, которого придерживаемся и мы,

предполагает его рассмотрение как универсального явления, реализующегося на различных уровнях языковой системы. Л. Л. Юмдин справедливо замечает, что согласование «тесным образом связано с целым рядом других свойств, характеризующих не только синтаксический уровень языка, но и его морфологический, семантический, а частично и прагматический уровни, а тот факт, что, с виду такое обыденное и простое, это свойство таит в себе массу нерешенных проблем, в полном смысле слова бросает вызов исследователю» [Июмдин 1990: 5].

Грамматическое согласование основано на уподоблении согласующихся компонентов в ряде категорий: роде, числе, падеже, лице, одушевленности — в зависимости от типа

согласовательной конструкции. Характер взаимодействия уподобляющихся компонентов подчиняется языковой норме, которую традиционно понимают как «совокупность наиболее устойчивых, освященных традицией языковых средств и правил их употребления, принятых в данном обществе в данную эпоху» [Крысин 2006: 175]. Норма как результат традиции и кодификации обеспечивает единообразие и стабильность использования языковых средств, в том числе и на уровне грамматики. Однако существуют как собственно лингвистические, так и экстралингвистические причины динамики языковой нормы [см. Крысин], которые приводят к вариативности нормы и в ряде случаев обеспечивают успешность коммуникации.

В современном русском языке все более активно реализуется семантическое согласование, при котором происходит расподобление компонентов синтаксической конструкции в ряде грамматических форм. Так, анализ, проведенный на основе исследования устных и письменных текстов и данных Национального корпуса русского языка, показывает превалирование семантического согласования над грамматическим в устной речи, а также в Интернет-общении (в блогах, чатах и т. д.), приближенном в определенной мере к манере устной речи. Например: *И хотя Дом моды не являлся частной собственностью (в свое время его преобразовали в акционерное общество, основной пакет акций которого принадлежал государству), главный художник-модельер чувствовала себя здесь настоящей хозяйкой* [Т. Моспан. Подиум (2000). НКРЯ]; *Модельер, выступивший последним, даже прямо обратился к Зиновию и твердо обещал, что наши художники обуви не подкачают и постараются, как для Парижа* [А. Львов. Двор (1981). НКРЯ]; *Обязательная врач, в прошлом, до эпохальной поездки в Корею, между прочим, хирург, добродушно делилась своими достижениями* [Э. Савкина. Караул! Устал (2002) // «Дело» (Самара). 07.10.2002. НКРЯ]; *В Великобритании разбились одна из лучших пилотов-каскадеров.* [gambler-новости. 23 августа 2009 г.].

В данном случае обнаруживается коммуникативная толерантность: приемлемость семантического согласования в устном и публицистическом дискурсе объясняется необходимостью снятия коммуникативного напряжения и достижения максимальной ясности выражения.

Речевой жанр как фактор актуализации латентной семантики рода

С. Г. Мамечков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Речевой жанр, сказка, басня, загадка, реализация латентного семантического потенциала категории рода

Summary. This article deals with the problem of the realization of the semantic of gender grammatical category.

1. Традиционно грамматическая категория рода трактуется как категория с преимущественно «структурной» доминантой (Г. Корбетт, А. В. Бондарко, А. А. Зализняк). Главным образом это связано с преобладающим числом неодушевленных существительных в русском языке (*стол, стена*). Таких существительных, по данным А. А. Зализняка, 77,6% от общего состава субстантивных лексем. С нашей точки зрения, грамматическая категория рода в русском языке — полноценная семантическая категория, семантика которой, однако, является скрытой, латентной. Эта семантика регулярно выражается в определённом типе контекстов, например, в контекстах, содержащих олицетворение или сравнение: *И ветер, старый возница / В пенсне, с бородой...* (Ю. Шевчук. Седьмое июля), «...с *повестью* — как с *женщиной*: если ты, обнимая её, думаешь о другой, разрыв — просто вопрос свободного времени» (Ю. Поляков. Козлёнок в молоке). Исследование семантики категории рода сводится к поиску факторов актуализации латентной семантики рода. Одним из таких факторов, влияющих на вышеназванную актуализацию, является речевой жанр.

2. Речевой жанр, по определению М. М. Бахтина, характеризуются устойчивостью в плане тематики, композиции и речевых особенностей, определённой функцией (научная,

Вторая причина толерантного отношения носителей языка к нарушению грамматического согласования кроется в лингвокреативной природе согласования как лингвистического феномена. Намеренное использование рассогласования становится средством создания языковой игры. Например:

А невесте скажи, что она подлец, слышишь, непременно скажи (Н. В. Гоголь. Женитьба); *Если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха* (М. Булгаков. Собачье сердце); *Хорошо въехать на базар и через щель спросить: «Скоко, скоко? Одно кило или весь мешок?»* (М. Жванецкий. Броня моя). Нарушение согласования в роде и числе в приведенных контекстах решает эстетические задачи.

Динамика языковой нормы в согласовании — явление случайное и потому становится средством языковой рефлексии. Обоснование правомерности семантического согласования находим, например, в произведениях Вл. Новикова «Сорок два свидания с русской речью», «Ноблесс оближ» и др.

Итак, современный русский язык обнаруживает принципиальную возможность освоения семантического согласования как коммуникативно значимого и выразительного средства, а значит, функционально необходимого.

Литература

- Иомдин Л. Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.
- Казенин К. И. Личное согласование в лакском языке: маркированность и нейтрализация // Типология и теория языка. От описания к объяснению. К 60-летию А. Е. Кибрика / Под ред. Е. В. Рахилиной и Я. Г. Тестелца. М., 1999. С. 381–399.
- Кибрик А. Е. От ядра к периферии: стратегии согласования в цахурском языке // Поэтика. История литературы. Лингвистика. Сборник к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 729–754.
- Крысин Л. П. Толерантность языковой нормы // Язык и мы. Мы и язык: сборник статей памяти Б. С. Шварцкопфа / Отв. ред. Р. И. Розина. М., 2006. С. 175–182.
- Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorpora.ru].
- Русакова М. В. Речевая реализация грамматических элементов русского языка: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. СПб., 2009.
- Babby L. H. Noun phrase internal case agreement in Russian // Barlow M., Ferguson C. A. (eds.). Agreement in natural language: Approaches, theories, descriptions. Stanford, 1988. P. 287–304.
- Corbett G. G. Agreement // Asher R. E. (ed.). Encyclopedia of language and linguistics. Vol 1. Oxford, 1994. P. 54–60.

техническая, публицистическая, деловая, бытовая и т. п.) и определёнными, специфическими для каждой сферы условиями речевого общения [Бахтин 1996: 165]. Особого внимания лингвистов в плане актуализации латентной семантики рода требуют речевые жанры фольклорной и литературной сказки, басни, народной песни, загадки, пословицы. [Мы полагаем, что (хотя в силу своей общепризнанной неразработанности теория речевых жанров об этом умалчивает) указанным фольклорным и литературным жанрам соответствуют и различные речевые жанры, поскольку названные жанры словесности представлены, согласно классической формулировке [Бахтин 1979: 249], вполне различными «относительно устойчивыми тематическими, композиционными и стилистическими типами высказываний» и текстов для каждого из жанров.]

3. В русских сказках можно найти много примеров, когда реализуется родовая семантический потенциал у существительных, обозначающих животных, биологический пол которых в силу разных причин для носителей русского языка несущественен. Можно выделить две группы таких примеров.

1) Существительные, которые в типичном контексте называют видовое понятие: лиса («Кот и лиса», «Лисичка-

сестричка и волк»), волк («Лиса и волк»), медведь («Царь-медведь»), змея («Царевна-змея»), утка («Серая шейка») и др.

2) Существительные, которые называют животных, в типичном контексте не дифференцируя животных по полу: цапля («Журавль и цапля»), сокол («Финист — ясный сокол», «Берёза и три сокола»), журавль («Журавль и цапля»), лягушка («Царевна-лягушка»).

Животные в сказках живут и действуют как люди, причём вполне определённого пола (журавль решает жениться на цапле, Иван Царевич женится на лягушке).

4. В фольклорной и литературной басне на животных переносятся человеческие качества, через животных описываются человеческие пороки, свойства характера: деятельность и бездействие (басня «Пруд и река»), гибкость и твёрдость характера (басня «Дуб и трость») и т. п.

Сознание баснописца одушевляет природу, заставляет действовать неживые предметы и живых существ, не дифференцированных по полу, как существ вполне определённого пола. Особенно отчётливо половая принадлежность выявляется в случаях попарного противопоставления слов описываемого типа (стрекоза — муравей, паук — муха, дуб — трость, пруд — река).

5. В народной песне часто происходит одушевление природы, наделение её способностью чувствовать, проводится параллель с миром человеческих переживаний, что приводит к актуализации родовой семантики: *Ох, ночь моя, ночка тёмная, / Ночка тёмная, ночь осенняя! / Молодка, молодка молоденькая, / Головка твоя распобеденькая!* (Ох, ночь моя, ночка тёмная... Нар. песня из собрания П. В. Киреевского). Аналогичная закономерность наблюдается и литературных произведениях, стилизованных под народную песню, ср.: *То не ветер расшумелся над ветлами / Вспоминает молодца — орла залётного* (М. Цветаева. Егорушка).

6. Если в песне обычно речь идёт о человеке, а параллель проводится с природой, то в загадках, наоборот, отгадка неантропоморфна, а объект сравнения (ядерное слово) часто обозначает человека (см. об этом [Гин 1992: 127]).

Загадки с родовым равенством ядерного слова и отгадки — наиболее частый вид загадки. Можно выделить следующие подтипы этого типа загадок:

А) Загадки с ядерным словом — собственным именем м. р.: *Малый Афанасий / Лычком опоясан* (Веник).

Б) Загадки с ядерным словом — собственным именем ж. р.: *Гола Матрёна / Для всех страшна, / Лубком покрыта / Для всех ходка* (Река замёрзшая).

В) Загадки с ядерным словом — нарицательным именем м. р.: *Маленький мальчик / Всем под ноги смотрит* (Порог).

В) Загадки с ядерным словом — нарицательным именем ж. р.: *Девуца в темнице, а коса на улице* (Морковь).

Г) Загадки с актуализацией семантического потенциала у существительных с отсутствующим ядерным словом: *Сутул, горбат, / Всё море перескакал* (Серп).

Д) Загадки с актуализацией семантического потенциала у существительных типа *птица*: *На барыне сорок рубашек, / Ветер подует, спина голая* (Курица).

Е) Загадки с несколькими составляющими: *Какая сестра сильнее брата?* (Вода — огня).

Ж) Загадки с существительными, стоящими во мн. ч.: *Бочка стонет, / А бояре пиво пьют* (Свинья поросят кормит).

Закономерности реализации семантического потенциала грамматической категории рода в разных речевых жанрах ещё раз подтверждают наличие особого функционально-семантического поля биологического пола (см. об этом ФСП [Мамечков 2006]), в центре которого находится грамматическая категория рода.

Литература

Бахтин М. М.: Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.

Гин Я. И.: Поэтика грамматического рода. Петрозаводск. 1992.

Мамечков С. Г.: Условия реализации семантического потенциала родовой грамматики неодушевленных существительных // Язык. Литература. Культура. Актуальные проблемы изучения и преподавания. Вып. 2. М., 2006.

Субъектная результативность как значение глаголов некоторых способов действия

И. Палоши

Университет им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Способы глагольного действия, результативность, результат, последствие

Summary. The article examines some means of action (artionsarts) referring to the subjective resultativity of the action. An attempt is made to broaden the notion “subjective resultativity” so that it can refer to both positive and negative results of the action. In some cases the ability to express this meaning depends on the intention of the speaker to manifest his / her attitude to the action itself.

Данная работа посвящается рассмотрению глаголов тех способов действия, в семантическое поле которых входит сема субъективной результативности.

Согласно мнению Е. В. Петрухиной, под термином *субъективная результативность* подразумевается «особое внутреннее состояние удовлетворенности или пресыщенности субъекта как результат предшествующего действия» [Петрухина 1993: 77].

Удовлетворенность субъекта действием является центральной семой в значении глаголов сативно-аугментативного способа действия (глаголы с формантом *на-+ся*: *наиграться, наговориться, навоеваться, наплакаться, начитаться* и т. д.). В вербальном контексте этих глаголов часто появляются наречия, указывающие на достаточную меру действия: *воволь, вдоволь, всласть, вдосталь, довольно, достаточно, досыта, здорово* и т. д. [Крекич 1997: 31]. См. пример (1).

(1) *Ей не нужна свобода, она уже успела нагуляться всласть* (А. Маринина. Стилист, 309)

Сема насыщенности появляется и в семантическом поле некоторых глаголов делимитативного способа действия (глаголы с приставкой *по-*: *поиграть, побегать, поплавать, погулять* и т. д.). Заметим, что изучению семантики делимитативов посвящена довольно обширная литература. Мнения лингвистов сходятся в том, что делимитативы содержат субъективно-прагматическую сему, указывающую на положительное отношение говорящего к ситуации ([Исаченко 1960: 237]; [Петрухина 1998: 137]). Значе-

ние насыщенности субъекта действием у делимитативов обуславливается вербальным контекстом, а именно сирконстантами: *вдоволь, достаточно, довольно, славно, вволю*. См. пример (2).

(2) *Гости, пожрав вволю, начали играть и веселиться* (М. Зошенко. Нервные люди, 128).

В своей выше упомянутой статье Е. В. Петрухина обращает внимание исследователей на то, что понятие результата действия необходимо ограничить от понятия последствий действия. Результат в отличие от последствий, как правило, связан «с естественным завершением действия» [Петрухина 1993: 72]. Следовательно, по ее взглядам, глаголы финально-отрицательного способа действия (глаголы с формантом *до-+ся*: *дочитать до головной боли, допрыгаться до увольнения, догуляться до простуды* и т. д.) не обладают значением субъективной результативности, поскольку негативные последствия действия связаны не с естественным его завершением, а с его чрезмерной интерсивностью или продолжительностью. Подобное мнение высказывается еще в работах М. А. Шелякина [Шелякин 1983: 190], Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева [Зализняк, Шмелев 1997: 98] и венгерского аспектолога Й. Крекича [Крекич 1997: 31]. С другой стороны, Н. С. Авилова интерпретирует значение данных глаголов как интенсивное доведение действия до результата, часто отрицаемого [Авилова 1976: 302]. Такое представление можно найти и в Русской грамматике [Русская грамматика 1980: 602].

Мы, со своей стороны, условно позволяем расширение понятия субъективной результативности в направлении чрезмерной переполненности субъекта действием. Таким образом, в зависимости от субъективной оценки результата действия, субъективная результативность глагольных действий может оцениваться или положительно или отрицательно. Следовательно, можно установить, что глаголы финально-отрицаемого способа действия, обладают отрицательной субъективной результативностью. См. пример (3).

(3) *Михейка грамоте не обучен, так он на всех своих шмотках, чтоб не сперли, филина рисует. Вот и дорисовался!* (Б. Акунин. Любовник смерти, 99).

Необходимо упомянуть, что в зависимости от вербального и / или ситуативного контекстов, глаголы сативно-аугментативного способа действия тоже могут указать на негативные последствия действия. См. пример (4) и (5).

(4) *Этот старикан ... в первые же пять минут нажрался до того, что «мама» сказать не мог.* (М. Зоценко. Прелести культуры, 128)

(5) — *Начитался ты, Алик, западной литературы, — криво улыбнулась она и пошла прочь* (НКРЯ. Аксенов. Звездный билет // Юность).

Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что субъективной результативностью в наиболее «чистой» форме могут обладать глаголы сативно-аугментативного СД. Актуализация данной семы в семантическом поле делимитативов требует контекстуальных факторов, а глаголы фи-

нально-отрицательного СД способны выражать лишь переполненность субъекта действием. Проблема переплетения семы субъективной результативности может стать темой для более обширных исследований.

Литература

- Авилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
 Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Лекции по аспектологии // Slavistische Beiträge 353. Studienhilfen Band 7. München, 1997.
 Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
 Креквич Й. Педагогическая грамматика русского глагола. Семантика и прагматика. Szeged, 1997.
 Петрухина Е. В. Категория результативности в глагольной системе русского языка // Jednostki jezykowe — ich powiazania i ewolucja. Olsztyn, 1993. S. 69–78.
 Петрухина Е. В. Семантика делимитативов в русском языке // Черткова М. Ю. (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски и решения. М., 1998. С. 128–138.
 Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 1. Шелякин М. А. Категория вида и способы действия русского языка. Теоретические основы. Таллин, 1983.

Источники

- Акунин Б. Любовник смерти. М., 2007.
 Зоценко М. М. Нервные люди // Нервные люди. М., 2006.
 Зоценко М. М. Прелести культуры // Нервные люди. М., 2006.
 Маринина А. Б. Стилист. М., 2003.
 Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorpora.ru] — (НКРЯ).

О механизмах формирования качественного значения у относительных прилагательных в современном русском языке

М. В. Сандакова

Относительное прилагательное, качественное значение, метафора, метонимия, специализация отношения

Summary. Semantic derivation in the sphere of Adjective is active in Modern Russian. The article deals with 3 mechanisms of qualitative meaning development by relative Adjectives: metaphor, metonymy, relation specializing.

1. Окачествление как способ пополнения адъективной лексики семантическими неологизмами

Семантическая деривация в сфере относительных прилагательных, связанная с формированием у них качественных значений, происходит в языке непрерывно. В каждый исторический период в этот процесс вовлекаются всё новые прилагательные.

Среди причин окачествления можно видеть лингвистические и экстралингвистические. Внутренней языковой причиной непрерывного процесса возникновения качественно-сти служит сама природа относительного прилагательного, ср. высказывание В. В. Виноградова: «...Во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений» [Виноградов 1947: 205]. В конце XX — начале XXI века процессы семантической деривации среди прилагательных идут очень интенсивно. Новые значения, приобретающие ранг узуальных, пополняют ряды семантических неологизмов в сфере адъективной лексики. Некоторые из таких значений отражены в словарях неологизмов (см. в частности [ТСАЛ]), для многих других, качественные значения которых, пока ещё не получившие словарной фиксации, частотны в языке СМИ и в современных художественных текстах, переход в узус уже намечен.

2. Механизмы развития качественного значения у относительных прилагательных

2.1. Метафора.

Одним из основных механизмов порождения качественности в русском языке на протяжении XVIII–XX веков служил метафорический перенос. Это показано в работах [Сорокин 1965], [Грановская 1981], [Копорская 1981] и др., ср. *стальное перо — стальные мускулы, мраморная колонна — мраморная кожа*.

На современном этапе развития языка качественность во многих случаях также возникает на основе метафоризации:

звёздное скопление — звёздный состав жюри, взрывная волна — взрывной рост цен, резонансные колебания — резонансное событие, фасадная часть здания — фасадная демократия.

Качественные значения, возникшие путём метафорического переноса, обычно обладают образностью и оценочностью.

Из всех механизмов окачествления метафора является наиболее исследованным и в ряде работ признаётся единственным способом перехода в разряд качественных. По этому поводу Н. Е. Сулименко отмечает: «Семантической основой развития качественных значений относительных прилагательных признаётся метафоризация, т. е. перенос, обусловленный признаками стоящего за словом концепта» [Сулименко 2008: 69].

2.2. Метонимия.

Метонимия представляет собой тип переноса, действующий преимущественно в сфере качественных прилагательных, когда от исходного качественного значения образуется вторичное качественное метонимическое. В основе такого переноса обычно лежит смежность носителей свойств: *умный ребёнок — умный взгляд, легкомысленный юноша — легкомысленный поступок*. Ср. также семантический неологизм: *оранжевые флаги — оранжевая революция*.

Как механизм, порождающий качественное значение из относительного, метонимия менее показательна. Примеров переносов данного типа не так много: *кассовый аппарат — кассовый фильм, адресное бюро — адресная помощь, головной мозг — головное решение*.

2.3. Специализация обозначаемого отношения.

Исходно относительное прилагательное как синтаксический дериват обозначает «широкое недифференцированное отношение» [Земская 1991: 147] к тому, что названо мотивирующей основой.

Семантическое развитие может состоять в том, что это широкое отношение сужается, конкретизируется, обретая окраску индивидуального свойства. Такой тип изменения значения может быть назван специализацией отношения.

Специализация происходит при появлении в значении слова нового семантического компонента.

Брендовый: 'такой, который относится к бренду' — 'такой, который имеет известный бренд / является брендом'; ср.: *брендовая политика* — *брендовая одежда*.

Возрастной: 'такой, который достиг возраста, считающегося значительным для данного вида деятельности'; а также 'такой, который находится в пожилом / старческом возрасте'; ср.: *возрастные особенности* — *возрастной хоккеист*, *возрастное население*.

Карьерный: 'такой, который относится к карьере' — 'такой, который делает / позволяет сделать карьеру'; ср.: *карьерный вопрос* — *карьерная профессия*.

Кризисный: 'такой, который относится к кризису' — 'такой, который свидетельствует о кризисе / находится в кризисе'; 'трудный, тяжёлый'; ср.: *кризисная комиссия* — *кризисный регион*.

Статусный: 'такой, который относится к статусу' — 'такой, который имеет высокий статус'; ср.: *статусные проблемы* — *статусное издание*.

Структурно-сложные немотивированные предлоги в украинском и русском языках

А. В. Ситарь

Донецкий национальный университет (Донецк, Украина)

Е. Н. Виноградова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Предлог, предложная единица, сращения, сопоставительный анализ

Summary. The research describes a group of prepositions in Ukrainian and Russian languages namely complex structure fusion prepositions. This group shows drastic distinction between Ukrainian and Russian.

Предлагаемый доклад выполнен в рамках Международного проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (о проекте см. [Всеволодова 2008]) и посвящен сопоставительному изучению структурно-сложных немотивированных предлогов в украинском и русском языках. В русской традиции подобные единицы относят к парным предлогам-сращениям (ср. только 4 «академических» русских сращения: *из-за, из-под, по-за, по-над*), однако объем этого термина несколько уже нашего понимания данной группы, так как включает лишь единицы, написанные через дефис, в то время как слитность, раздельность или написание через дефис, как представляется, сугубо конвенционально: так, ср.: *понад* (укр.) и *по-над* (рус.); *з-за, з-під, з-над* (укр.) и *zza, spod* (польск.), *iznad* (сербск.) и т. д. Употребление термина «структурно-сложные немотивированные» предлоги позволяет рассматривать в одном ряду такие однородные, на наш взгляд, единицы, как рус. *напротив, промезду, из-за, из-под, в под, по-над, из-между, в после, в перед*.

Украинский язык гораздо богаче в отношении рассматриваемых единиц. Так, в «Словаре украинских предлогов» зафиксированы 24 подобные единицы (с вариантами): *задля, заради, з-від, з-за, з-над, з-перед, з-під, з-поза, з-поміж* (з-помежи, з-між, з-меж[и], з-проміж), *з-понад, з-поперед, з-понаді, оперед, опісля, побіля* (попіля), *повз* (поз, повіз, поуз), *поза, поміж* (помеж, помежи, помеже), *понад* (понаді, понадо), *поперед* (попереді, попередо), *попід, попри, проміж, почерез*; среди них — 7 единиц, представляющих собой контаминацию трёх простых предлогов: *з-поза, з-поміж, з-понад, з-поперед, з-понаді, з-поміж, з-проміж*. Напомним, в русском языке [Русская грамматика 1980] выделяются 4 парных предлога-сращения *из-за, из-под, по-за, по-над* (2 последних маркируются как устаревшие) и простой наречный предлог *напротив*. В словаре Даля находим *промеж, промезду* и *из-среди*: *Промеж людей поколотисься, околотишься* [Даль 1978]; *Промезду им и мной заключено условие* [Даль 1978]; *Знайте промеж себя, не сказывайте* [Даль 1978]; *Кардинал — высший сан католического духовенства, кроме папы, которого избирают из среди себя кардиналы* [Даль 1978]. Такое явное количественное несоответствие подобных предложных единиц в близ-

Специализация обозначаемого отношения — механизм развития качественности, актуальный для русского языка конца XX — начала XXI в.

Литература

- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1947.
- Грановская Л. М. Развитие лексики русского литературного языка в 70-е годы XIX — начале XX в. // Лексика русского литературного языка XIX — начала XX века. М., 1981. С. 183–319.
- Земская Е. А. Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного языка // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. М., 1991. С. 132–164.
- Копорская Е. С. Развитие лексики русского литературного языка в 30-е годы XVIII в. — начале XIX в. // История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века. М., 1981. С. 116–272.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965.
- Сулименко Н. Е. Современный русский язык: К изучению семантики имён прилагательных: учебное пособие. СПб., 2008.
- Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006 (ТСАЛ).

родственных славянских языках с необходимостью вызывает вопросы об их системности, соотношении и переводимости.

На первом этапе анализа была выбрана группа украинских предлогов, включающих в свой состав предлог *по*. В украинском языке таких предлогов 14 (и их варианты): *з-поза, з-поміж* (з-помежи, з-меж[и], з-між, з-проміж), *з-понад, з-поперед, з-понаді, побіля* (попіля), *повз* (поз, повіз, поуз), *поза, поміж* (помеж, помежи, помеже), *понад* (понаді, понадо), *поперед* (попереді, попередо), *попід, попри, почерез*. Русскими эквивалентами этих предлогов, включающими *по*, являются лишь *по-над* и *по-за*. Остальные предложные единицы переводятся с помощью (все примеры взяты из параллельных текстов — периодических изданий, выходящих на украинском и русском языках; украинских художественных текстов и их профессиональных переводов на русский; текстов кодексов, законов и их официальных переводов и др.):

1) первообразных предлогов: а) эквивалентов первой части украинской единицы: *Нариті горби, канави — ніяк з-поміж них не виплутасяся* (О. Гончар) — *Бугры, канавы — никак из них не выберешься*; б) соответствий второй части украинской единицы: *Спочатку з-понад дверей вивалився шмат шукатурки...* (Дзеркало тижня. — 9–15.02.2002) — *Сначала над дверью вывалился кусок штукатурки...*; в) других первообразных предлогов: *Території спеціальних митних зон, розташованих в Україні, вважаються такими, що знаходяться поза межами митної території України...* (Митний кодекс України) — *Территории специальных таможенных зон, расположенных в Украине, считаются такими, которые находятся вне границ таможенной территории Украины...*;

2) вторичных предлогов: *При всьому цьому сміхові кризі сльози до чергової Комісії навевне ввійдуть і непогані, навіть попри їхнє депутатство, люди, які хочуть як краще* (Дзеркало тижня. — 28.10.2011) — *При всем этом смехе сквозе слезы в очередную комиссию наверхника войдут и неплохие, даже несмотря на их депутатство, люди, хотящие, как лучшие*;

3) аналогов предлогов: *Щоб людей не топтати, Олекса правив коней побіля ярмаркового натовпу...* (О. Гончар) —

Чтобы людей не топтать, Олекса правил коней в объезде армарочной толпы...;

4) других частей речи: ...ми один **з-понад** одного бігаєм до жита... (О. Гончар) — ...друг друга **опережая**, бегаем к ржаной ниве...

Анализ материала позволяет выделить некоторые особенности украинских предлогов данной группы по сравнению с русскими:

1) способность украинских предлогов выражать различные подтипы локативных отношений: *з-понад, побіля, повз, поза, поміж, понад, понад*; в русском языке локативные предлоги чаще всего имеют менее дифференцированное значение;

2) синкретичность некоторых украинских предлогов (напр., *поміж* может выражать реляционные и локативные отношения; русскими эквивалентами будут предложные единицы *среди, меж, между, из среди, из меж, из-между*);

3) украинские предлоги *понад* и *з-понад* выражают характеризационные отношения (квантитатив), что не характерно для русских предлогов данной группы: ...вона [перспектива] повинна бути для тебе **понад** усе!.. (О. Гончар) — ...она,

перспектива, должна быть для тебя **превыше** всего!..; *З-понад* 170 журналістів-пошукачів у парламент потрапили тільки троє (Дзеркало тижня. — 20–26.04.2002) — **Из более чем** 170 журналістов-соускателів в парламент попали только троє.

Представляется, что выявление закономерностей предложных систем русского и украинского языков, с одной стороны, а также разработка алгоритмов перевода, с другой стороны, являются актуальными задачами как типологических исследований, так и работ в рамках одного языка.

Литература

Всеволодова М. В. Типология славянского предлога. Системность: категории и парадигмы // XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Лингвистика. М., 2008.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1978 (репринт изд. 1880–1884 гг.).

Загітко А. П., Данилюк І. Г., Ситар Г. В., Щукіна І. А. Словник українських прийменників. Сучасна українська мова. Донецьк, 2007.

Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

Формальный состав и функция предложных единиц с параметрическим значением

Р. Судзуки

Медицинский университет Саппоро (Саппоро, Япония)

Предлог, предложная единица, корреляты предлогов, параметрические существительные

Аннотация. В работе представлена характеристика предложных единиц в составе количественно-именных сочетаний.

В данной работе рассматриваются корреляты предлогов — словоформы существительных с параметрическим значением, которые, оставаясь в рамках своей части речи, в определённых условиях выполняют функции предлога. Ср.: *башня высотой сто метров; стержень длиной более пяти метров*. Грамматический аспект словоформы параметрических существительных показал необходимость рассмотреть два типа компонентов, составляющих именную группу: базовую структуру, строевые компоненты. В состав базовой структуры входят параметрическое существительное, числительное, название единицы измерения. Ср.: *доска длиной два метра*. Помимо базовой структуры, в состав именной группы могут входить и дополнительные, осложняющие структуру. Строевые компоненты по формальному признаку делятся на следующие группы: 1) первичные предлоги **в, с, от, до, на, по, под**: *стержень длиной в одну десятую метра*; 2) вторичные предлоги **около, порядка, свыше, сверх**: *стог сена весом около ста тонн*; 3) форма сравнительной степени **более, не меньше** и т. п.: *отряд численностью более двадцати человек*; форма сравнительной степени с союзом **чем** типа **более чем** и т. п.: *резервуар вместительностью больше, чем тысяча литров*; 4) наречия **точно, почти, примерно, приблизительно, минимум, максимум**: *статуэтка из чистого золота весом почти пять килограммов*; 5) прилагательные **расчётный, предполагаемый, минимальный, максимальный** и т. п.: *конструкция машины должна быть тяжёлой с минимальной массой тридцать восемь тонн*; 6) местоимения **общий, каждый** и т. п.: *мешки общей массой десять тонн*.

В системе коррелятов — словоформы параметрических существительных эти служебные единицы создают семантическую парадигму. Заметим, что единицы разных катего-

риальных классов оказываются синонимами. Ср.: 1) **от / не менее / не меньше / не менее, чем / не меньше, чем**: *дорога длиной от десяти километров; дорога длиной не менее десяти километров*; 2) **до / не более / не больше / не более, чем / не больше, чем**: *багаж весом до пяти килограммов; багаж весом не более пяти килограммов*; 3) **свыше / сверх / более / больше**: *стержень длиной свыше двадцати метров; стержень длиной больше двадцати метров*; 4) **менее / меньше / менее, чем / меньше, чем**: *пакет весом менее ста граммов; пакет весом меньше, чем сто граммов*; 5) **около / порядка / примерно / приблизительно**: *бутылка объёмом около трёх литров; бутылка объёмом порядка трёх литров* и т. п. Системно образуемые словоформы параметрических существительных представляют несколько синонимико-вариативных рядов, каждый из которых формирует одно из значений функционально-семантической подкатегории именной определительной параметрической характеристики.

Употребление параметрических существительных в функции предлога в русском языке образует определённую систему. В функции коррелята предлога системно сочетаются в рамках одной синтаксемы именно с количественно-именными группами.

Литература

Всеволодова М. В., Клобуков Е. В., Кукушкина О. В., Поликарпов А. А. К основам функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2.

Судзуки Р. Русские атрибутивные конструкции со значением «параметрическая характеристика предмета» и функционирование в них компонентов предложного типа (В зеркале японского языка) // Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Исследование предлогов со значением темпоральности

С. И. Суровцева

Челябинский государственный педагогический университет (Челябинск, Россия)

Фразеологический предлог, значение темпоральности, релятивная единица

Summary. This paper presents some results of a study of temporal prepositions phraseology of modern Russian language, prepositions introduce nouns, adverbs, denoting periods of time.

Лингвистическая наука переживает переосмысление значимости релятивных единиц в языке, так как в настоящий период круг значений и употреблений предлогов расширяется и исследование их семантических свойств становится

одной из актуальных проблем. Уже имеется немало публикаций и работ по проблеме предлогов в русском языке, всё же многостороннего целостного описания семантико-грамматических структур отдельных групп релятивных единиц,

рассматриваемых в сопоставлении с французским языком, в лингвистике ещё не достаточно.

Профессор А. М. Чепасова в своей классификации фразеологизмов выделяет такой класс как грамматические фразеологические единицы, которые, в свою очередь, подразделяются на предлоги, союзы и частицы (классификация А. М. Чепасовой).

По определению Ю. Д. Апресяна «нынешняя эпоха развития лингвистики — это, бесспорно, эпоха **семантики**, центральное положение которой в кругу лингвистических дисциплин непосредственно вытекает из того факта, что человеческий язык в своей основной функции есть средство общения, средство кодирования и декодирования определённой информации» [Апресян 1995: 3].

В нашей работе мы исследуем фразеологические предлоги с темпоральным значением в русском и французском языках. Фразеологические предлоги обозначают зависимость имени от другого слова, т. е. выполняют функцию предлога и имеют значение предлога. Например, *в день (чего), к моменту (чего), на исходе (чего), начиная от (чего), в часы (чего), незадолго до (чего), на закате (чего), со времени (чего), с момента (чего), под занавес (чего), к периоду (чего), в возрасте (чего), к середине (чего), со дня (чего), в глубь (чего), в годы (чего), в дни (чего), в итоге (чего), в канун (чего), в миг (чего), в момент (чего), в период (чего), за время (чего), за годы (чего), на время (чего), на излёте (чего), с конца (чего), до середины (чего), с приходом (чего), с течением (чего)* и т. д. В нашей картотеке их насчитывается около 200 в более чем десяти тысячах употреблений. В создании фразеологических предлогов, как показывают приведённые выше примеры, принимают активное участие лексические производные предлоги. Так, предлог *в / во* участвует в создании 37 фразеологических предлогов, *на* — в 10, *по* — в 10, *с / со* — в 9, *к / ко* — в 8, *за* — в 3. Мы, конечно же, допускаем, что цифры будут расти и изменяться, т. к. картотека постоянно пополняется всё новыми и новыми единицами. Фразеологизмы данного класса в основной своей массе однозначны, характеризуются определенностью, поэтому делают нашу речь понятной и недвусмысленной. По мнению В. В. Виноградова, фразеологические предлоги удваивают и усиливают лексико-грамматическое значение предлога. Например, *к концу* — «к», *за годы* — «за», *во время* — «в», *к моменту* — «к», *на время* — «на» и т. д. Сравните: *выполнить задание к апрелю и выполнить*

задание к концу апреля, конференция состоится в 2004 году и конференция состоится в начале 2004 года и т. д.

В своём абсолютном большинстве исследуемые нами единицы оформляют родительный падеж имени: *на рубеже (чего), со дня (чего), по мере (чего), по прошествии (чего), к завершению (чего), по мере (чего), в завершение (чего), в череде (чего), к середине (чего), на протяжении (чего), к периоду (чего), по ходу (чего)*. Таких единиц около 95% от общего числа. Всего 4 единицы из имеющихся в нашей картотеке оформляют творительный падеж. Например, *одно временно с (кем, чем), начиная от (чего)... кончая (чем), вместе с / со (кем, чем), начиная с (чего)..., кончая (чем)*. И только один фразеологизм, на текущий момент исследования, *тому назад (что)* оформляет винительный падеж. Например, *Нарышкины и их сторонники были истреблены во время стрелецкого мятежа 1682 г.* (Павленко). *Переводчик не ест и не пьёт во время перевода* (Толстая). *Они сосредотачивались на время операции...* (Манусевич). *Приодились усы и борода, которые доктор Рибар отпустил за время своего затворничества* (Манусевич). *Войска достигли Азова в конце июля 1695 г.* (Павленко). *В начале весны он был уже в Вологде, где осмотрел заготовленные там 22 карбаса, поправил снасти и вооружил суда пушками* (Новиковский). *Марина хорошо понимала, что с такими именами шансов дожить до конца войны было мало* (Толстая).

Фразеологические временные предлоги вводят существительное или наречие, обозначающее промежуток времени, с которым соотносится время действия. Это соотношение может быть разделено на следующие группы: время действия может совпадать, предшествовать или следовать за указываемым промежутком времени, или находиться между двумя промежутками времени. Время действие может быть представлено как какой-либо протяжённый период или момент, лишённый протяжённости.

Литература

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. 2-е изд. испр. и доп. М., 1995.
 Тер-Авакян Г. А. Значение и употребление предлогов во французском языке: Пособие по грамматике для институтов и факультетов иностранных языков. М., 1983.
 Чепасова А. М. Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. Челябинск, 1983.
 Чепасова А. М. Фразеология русского языка. Челябинск, 1993.
 Шуганова Г. А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке: Монография. Челябинск, 2001.

Dvojba oko određivanja roda kratice u dvama slavenskim jezicima: hrvatskom i ruskom S. Hadžihalilović

Sveučilište u Zadru (Zadar, Hrvatska)

Grafijske i leksičke kratice, gramatički i prirodni rod riječi, strukturno i semantičko načelo, promjenjivost i nepromjenjivost kratice, glavna riječ kratice, tvorba riječi, nazivlje, terminološka tvorba.

Summary. The particularity of abbreviations is manifested in grammatical, semantic and structural characteristics. Since Russian and Croatian represent two congenial synthetic Slavic languages, the problematic aspects of abbreviations have appeared to be almost identical for both. Nevertheless, information about meaning of the newest Russian and Croatian abbreviations, information about their proper pronunciation and emphasis, gender determination, declension possibilities as well as allowed variants and their use in spoken language seems to be the missing element.

Hrvatski i ruski jezik, s obzirom na to da su oba slavenska i sintetička, dijele neke iste i različite osobine. U današnje vrijeme nastala je nelogična situacija u kojoj je, što se kratice tiče, u uporabi nekoliko pravopisa u oba jezika. Iz navedenog očita je opozicija stavova hrvatskih i ruskih jezikoslovaca. Opozicija je vjerojatno u samom temelju početka bavljenja problematikom kratice: Što je tvorba riječi? Što su kratice¹ — nove riječi ili nešto drugo? U hrvatskom su jeziku, za razliku od ruskoga, kratice jako oskudno opisane. Kratice kao jezična pojava u hrvatskome jeziku nejasne su. Svrstavaju se u riječi, znakove, simbole, jezične jedinice kao i jezičnu pojavu koja obuhvaća sve troje. Problematika kratice u hrvatskoj literaturi zauzima jako mali prostor, svega nekoliko stranica u pravopisima, priručnicima i nekolicini znanstvenih radova. U pravopisima² su kratice predstavljene uglavnom kao pravopisni, ali i kao gramatički problem. Dopunu i neku vrstu primjedbi pravopisima predstavljaju članci u kojima su obrađeni pravopisni i/li gramatički nedostaci. Postoje nejasnoće u vezi s njihovim nas-

tankom, nazivljem, definicijom, klasifikacijom i gramatičkim kategorijama (tvorba, izgovor, rod, sklonidba). Pravopisi se međusobno razlikuju prema načinu podjele kratice, u pristupu sklonidbi složenih kratice i njihovu pisanju.

Skraćivanje je, prije svega, način tvorbe naziva pojmova i realija koje su opisane pomoću atribucijskih sintagmi³. Važno je spomenuti da se ni jedan jezik u XX., pa čak ni u XIX. st., nije mogao izdvojiti kao vodeći u pitanju aktivnosti skraćivanja riječi. Skraćivanje kao način tvorbe jača kasnije, u prvoj trećini XX. st. Tih se godina u Europi dogodio *abrevijaturni prasak* čiji je epicentar u ruskom jeziku bio 1918., a u drugim jezicima od 1920-ih do 1930-ih.

Kratice dijelimo prema dva aspekta: prema strukturi i prema načinu tvorbe riječi⁴. Prema strukturi sve se kratice mogu svrstati u četiri grupe⁵, a sa semantičkoga aspekta možemo proučavati samo leksičke i leksikalizirane⁶ kratice.

Rod je gramatička kategorija čije određivanje nije uvijek jednoznačno. Pri određivanju roda kratice uzimaju se u obzir dva

kriterija: gramatički (*morfološki*⁷, *sintaktički*⁸ – Anić; *morfološki*, *sintaktički* i *leksijski* — Pintarić⁹; odnosno *paradigmatški*¹⁰ i *kongruencijski*¹¹ — Ivić). Osim gramatičkoga kriterija treba misliti i na semantički aspekt¹². Gramatičke kategorije, uključujući i kategoriju roda, imaju u jeziku, osim prototipskih, i svoje netipične predstavnike¹³. One se ne ostvaruju dosljedno, pa bi gramatika trebala opisati te netipične ostvaraje. U hrvatskim i ruskim je gramatikama slabo ili nikako obrađen rodovni netipični slučaj kratice.

Rod kratice određuje se na dva načina: ako su leksikalizirane — prema njihovoj morfološkoj strukturi, a ne prema izrazu koji je skraćen (*ovaj SAD*, u *SAD-u*), a ako nisu leksikalizirane, rod se određuje prema izrazu koji je skraćen (*ove Sjedinjene Američke Države*).

U hrvatskom kao i u ruskom jeziku prevlast je kratice muškoga roda i česta je pojava promjene roda iz ženskoga ili srednjeg roda u muški, što je rezultat prevladavanja strukturnog načela nad semantičkim. Kratice ujedno imaju potencijalno najveću strukturnu mogućnost uvođenja u imenice muškoga roda, ali te se mogućnosti realiziraju na različite načine zavisno od niza čimbenika¹⁴ te je u njima polazni rod skraćene sintagme obično rod glavne riječi¹⁵.

S povećanjem broja kratice (leksika) u hrvatskome i ruskom jeziku (a također i s jačanjem priliva nekih drugih imenovanja) nastale su znatne promjene u tradicionalnom trorodnom¹⁶ sustavu imenica. Jedna od njih je pojava (i ojačanje) kriznih simptoma na području primjene semantičkoga načela kojim se utvrđuje rod nepromjenjivih riječi. S povećanjem broja kratice u jeziku, popis riječi koje su nositelji roda postaje otvoren i beskrajan¹⁷. Svaka nova kratice sadrži svoju vlastitu, ponekad neočekivanu, glavnu riječ, a koja ponekad i ne postoji, npr.: *БГТО* — «будь готов к труду и обороне», *Канарспи* «качество, надежность, ресурс с первых промышленных изданий», *S. F.* — *S. N!* ili *S. f.* — *S. n!* «Smrt fašizmu — Sloboda narodu!».

G. O. N. G. «Građani organizirano nadgledaju glasanje», *B. a. B. e.* «Budi aktivna. Budi emancipirana» i dr. Da bi odredio rod kratice govornik mora svaki put dešifrirati kraticu, odrediti glavnu riječ, odrediti rod glavne riječi, a prema njemu i rod cijele kratice. U usmenom je govoru to nepraktično. Ova je *procedura* dokaz o krizi semantičkoga načela u cijelosti. Na području skraćivanja kriznim se smatra sljedeće: sustavno i postojano obraćanje ka strukturnim pokazateljima roda, čime se odustaje od semantičkoga načela; pamćenje roda najčešćih kratice bez njihova dešifriranja (pamćenje roda nije dobiveno prema semantičkom načelu); dvojba u određivanju roda nekih kratice, osobito transkribiranih, postala je masovna.

Dvojba oko određivanja roda najjači je pokazatelj krize. Bez obzira na pravila koja vrijede za kratice, iz primjera se vidi da gramatičke karakteristike (gramatički rod, vrsta sklonidbe) koje ima kratice mogu, ali ne moraju odgovarati karakteristikama koje imaju nazivi prema kojima su kratice nastale, tj. mogu imati svoj rod koji je neovisan o rodu riječi od kojih su sastavljene¹⁸: *HV* osjetno moderniziran = Hrvatska vojska osjetno modernizirana ili *SAD* je jasno stavio do znanja... = *Sjedinjene Američke Države* su jasno stavile do znanja. U nekim situacijama rod kratice ovisi o kontekstu: nazivali su *HATO* — *NATO* na početku članka organizacijom, a ta je riječ, u skladu s asocijativno-gramatičkim pravilima slaganja, ženskoga roda¹⁹. Znamo da je moguć i muški rod budući da je *HATO* — *NATO* savez, blok ili: *UN* — Ujedinjene nacije (nacija — ž. r.), tj. Ujedinjeni narodi (narod — m. r.).

Usporedbom gramatičke kategorije roda u oba slavenska jezika, nailazim na različita rješenja ovoga pitanja. Jedna te ista kratice se kod različitih autora (u oba slavenska jezika) navodi istovremeno pod različitim rodovima. Da ne postoji univerzalno pravilo koje vrijedi za određivanje roda kratice potvrđuju dva slavenska jezika, ali ne možemo reći kako će u kojem jeziku biti. Možemo samo pretpostaviti.

Примечания

¹ Treba odmah napomenuti da se za termin kratice, iako je riječ o istoj jezičnoj pojavi u različitim izdanjima i kod različitih autora, koriste različiti termini, npr: skraćena (Pravopis iz 1960., 1962.), kratice (ostali pravopisi), skraćena riječ (Muhvić-Dimanovski V.), kraćenica (Tafrā B., Košutar P.), pokrta (Mihaljević M., Ramadanović E.), pokrāćenica (Bjelanović Ž.; Brozović Rončević, D., Kapetanović, A.), kratice etiketa (Barić E. i dr.). Termini nisu jasno razgraničeni. Autori se istovremeno služe ne samo jednim terminom, npr. kratice [1995: 70], [2005: 70] i složene skraćenice — abrevijature [1995: 299], [2005: 299] u Hrvatskoj gramatici grupe autora Barić E. i dr.

² Pravopisi se međusobno razlikuju prema načinu podjele kratice, u pristupu sklonidbi složenih kratice i njihovu pisanju. Podijeljeni su u nekoliko skupina: u prvu skupinu spadaju pravopisi napisani nakon Bečkog književnog dogovora (1850.), u drugu skupinu spadaju pravopisi napisani nakon Novosadskog dogovora (1954.), u treću skupinu spadaju tzv. Londonac i njegovi nasljednici, u četvrtu skupinu spadaju pravopisi čiji su autori Anić — Silić, sa sasvim drugačijim pogledom na neke pravopisne probleme među kojima je i problem kratice, u petu se skupinu izdvaja Matičin *Pravopis*.

³ Sintagme s atribucijskim odnosima: Рефрижераторная установка — *рефустановка*, местный комитет — *местком*, чрезвычайное происшествие — *ЧП (чепе)*.

⁴ Prema vrsti tvorbenog procesa [Tafrā, Košutar 2009: 93, 100] problematika se kratice uvrštava u semantički proces (primarno), a kasnije od leksikaliziranih kratice (sekundarno) može uslijediti gramatički proces, tj. izvođenje od kratice i ostalo. Oba procesa, gramatički i sematički, rezultiraju istim, a to je nova riječ.

⁵ Neskrāčena cijela riječ — *слогословные*, slogovna sastavnica — *слоговые*, inicijali koje čitamo prema glasovima — *звукословные* i inicijali koje čitamo prema nazivima slova — *буквенные* (slovne i glasovne kratice se jednim imenom mogu nazvati inicijalnim kraticama. Naziv *inicijalne* kratice je uvjetni, jer je nastao prema prvim (početnim ili inicijalnim) slovima ili glasovima skraćenih riječi).

⁶ Nastaju od grafijskih kratice.

⁷ Prema nastavku u N. Jed. [Anić 1984].

⁸ Prema sklonidbenim oblicima atributnih riječi koje stoje uz imenice [Anić 1984].

⁹ N. Pintarić razmatra uz gramatičke teorije i paragramatičke teorije kategorije roda (animistička, antropološka, psiholingvistička): [Pintarić 1992–1993].

¹⁰ Tj. sklonidbeno [Ivić 1960].

¹¹ Tj. sklonidbenim oblikom determinatora uz imenicu [Ivić 1960].

¹² Kombinirana morfo-sintakto-semantička analiza leksema [Pintarić 1992–1993: 360].

¹³ [Ivić 2000: 70].

¹⁴ Od početnoga roda izvedene sintagme, od pravopisnog oblika kratice, njezine usvojenosti u jeziku i sl.

¹⁵ Npr.: *ОРС* — *отдел* рабочего снабжения.

¹⁶ *BMM* se iscrpnije bave rodom i sklonidbom složenih kratice (za razliku od ostalih hrvatskih autora). Što se roda kratice tiče, u hrvatskom jeziku postoji dvorodni sustav kratice. Mogu biti muškoga³ i ženskoga³ roda te daju dvije primjedbe: a) Ukoliko se kratice koja završava na -a slaže s atributom ženskoga roda, tada postaje nesklonjiva: lijepa naša *RH*, slavna *HAZU* i dr.; b) Kratice tudice se ponekad izgovaraju izvorno, pa se rod — prema istim pravilima — određuje prema takvu izgovoru (i tada je u pravilu muški): *BBC* [bi-bi-si], *CNN* [si-en-en], *MTV* [em-ti-Vi], *TGV* [te-že-Ve], *VW* [fau-Ve] i dr.

¹⁷ Prije je to bio ograničeni popis koji je obuhvaćao za muški rod: muške osobe (attāše, kuļi), živa bića (koļibri, šimpanze), jezik (хинди, урду), vjetar (торнадо, сирокко), otoke (Борнео), gradove (Дели) i neke druge. Za ženski rod: ženske osobe (мисс, фрау; Войнич), ženke (кенгуру), новине (Таймс), ријеке (Миссури), улице (авеню) i dr. A za srednji rod: неживо (такси, бюро), jezera (Эри).

¹⁸ *Badurina L., Marković I., Mićanović K.* Hrvatski pravopis, Zagreb, 2008.

¹⁹ *Skoblikova E. S.* Soglasovanie i upravljenje v ruskom jazyke. Izd. 2. Moskva, 2005. S. 186.